

Глава 1. Мало ли что

Леша был уверен, что ничего более важного с ним в этот день уже не произойдет. Действительно, что может быть серьезнее ссоры с лучшим другом?! Они с Никитой дружили с первого класса, то есть уже целых пять лет! Леша уже не представлял, не помнил, как он жил раньше, без Никиты.

А теперь они поссорились. Да еще как! Вот взрослые часто говорят детям: «не надо ссориться из-за пустяков». Но Леша разругался с Никитой совсем не из-за пустяка. Тут дело серьезное. Очень. Сегодня должно было произойти другое необыкновенно значительное событие, не

ссора. Леша с Никитой должны были стать не только друзьями, но еще и соавторами. Это очень серьезное, взрослое слово, и не всем ребятам оно известно. Но Леша знает много таких слов, ведь его мама работает в библиотеке, и дома у них всегда очень много книг.

Мама каждый день уходит на работу, а Леша идет учиться. Как-то однажды ему стало так грустно, так тоскливо без мамы, что он захотел встать из-за парты прямо посреди урока и пойти к ней. Но Леша уже не такой ребенок, чтобы не понимать: оба они, и он и мама, занимаются очень важным делом: Леша учится, а мама выдает книги тем, кто любит читать. Страшно представить, что случится, если они придут в библиотеку, чтобы взять нужную книгу, а его мамы не окажется на месте! Нет, даже вообразить себе такое невозможно, Леша знает: у его мамы очень важная работа. Но, сидя за партой и рассеянно слушая слова учительницы по географии, Леша представил, как мама подходит к книжной полке в своей библиотеке и берет книгу, написанную Лешей. То есть, чтобы все время быть с мамой, нужно превратиться в книгу.

Так Леша захотел быть писателем. Это, конечно, непросто. Но ведь все великие и знаменитые писатели не сразу становились такими. Когда-то они тоже учились в школе, сочиняли свои первые стихи и рассказы. Так что и Леше уже пора начинать. А то потом не успеешь догнать этих великих и знаменитых!

Леша ничего не сказал Никите про то, как он скучает без мамы, но он подумал, что если станет в будущем великим писателем один, без Никиты, то это будет нечестно по отношению к другу. Поэтому он решил взять Никиту в соавторы, то есть написать книгу вместе. Теперь, в пору летних каникул, появилось много свободного времени, и можно стать писателями. Никита сразу согласился. Оказалось, что он и сам уже давно хотел сочинить какую-нибудь историю, но все не решался к ней подступиться. Леша в который раз уже подумал, как ему повезло с другом.

Леше не терпелось стать соавторам, поэтому он спешил как можно скорее приступить к сочинительству.

— Мы будем писать про индейцев, — вдруг уверенно заявил Никита.

— Про каких еще индейцев? — не понял Леша.

— Что значит «про каких»?! Мы же с тобой вместе Фенимора Купера читали! И мы все про индейцев знаем. Поэтому будем писать про них.

— Я не хочу про индейцев, — не согласился Леша.

— Хм, — пожал плечами Никита, — как это ты не хочешь? А про что же тогда писать? Ну, хорошо, давай про шпионов.

— И про шпионов не хочу. Мы будем сочинять сказку.

— Сказку?! — глаза у Никиты сделались сразу очень большие, удивленные.

— Да, сказочную повесть.

— Вот еще! — возмутился Никита, — что мы, маленькие, что ли?!
Сказки писать!

— А ты думаешь, что сказки маленькие дети пишут?!

— Не знаю, кто там их пишет, — все больше возмутился Никита, — но мы люди взрослые, и поэтому будем писать взрослые книги, настоящие. Чтобы стать этими, как их там, соавторами... Выбирай, — твердо сказал он, — или будем писать про индейцев, или про шпионов.

— Не буду, — насупился Леша.

— Ну, и не надо, — в свою очередь нахмурился Никита, — тогда... тогда... тогда я кого-нибудь другого возьму себе в соавторы, понял?!

Такого удара Леша не ожидал. Это ведь он первый предложил Никите написать книгу вместе, а теперь тот хочет сочинить ее с кем-то другим! И еще Леше было очень обидно, что Никита не понимает, какое это серьезное дело — сказки.

В прошлом году мама подарила Леше на день рождения большую, красивую книгу сказок. Леша несколько раз ее прочитал, и даже стал класть на ночь под подушку, чтобы сны интересные снились. И сны стали с тех пор у Леша волшебные. А написал книгу самый что ни на есть настоящий, серьезный писатель — Алексей Николаевич Толстой, который не только сказку про Буратино сочинил. Леша и другие его книги читал — и про Гиперболоид инженера Гарина, и даже большой роман про Петра Первого. Там, правда, очень много непонятных слов, но с помощью толкового словаря во всем можно разобраться. А какие удивительные — и веселые, и страшные — сказки в той книге, что подарила мама Леше на день рожденья и которую он кладет на ночь под подушку! И про русалок-мавок, что в тихие вечера и лунные ночи уходят из вод озерных и хоронятся в деревьях, превращаясь в древяниц; и про жуткую кобылью голову; и про ведьмака, что считает звезды когтем... Голова у ведьмака собачья, и хвост огромный. Дождется ведьмак дождика с неба, и идет в деревню людям вредить... Еще про дочерей кикиморы, что живут под глиняным яром... И про хитрого овинника, что притворяется обыкновенным мирным котом. Разве это все не серьезное чтение?! Мир после такой книги сразу становится волшебным, преображается. Ты уже просто так не пройдешь мимо какого-нибудь кота, присматриваться будешь... Точно ли это кот, или коварный овинник сверкает кошачьими глазками.

— Ну, так что, шпионы или индейцы? — голос Никиты стал совсем строгим.

Леша был уверен, что, если индейцы будут сражаться с каким-нибудь Иваном Царевичем, получится что-то совсем непонятное.

— Ну, хорошо! — огрызнулся Никита, — как хочешь! Я найду себе другого соавтора!

И он решительно зашагал прочь. Леше никогда прежде не доводилось видеть спину уходящего друга, с которым ты только что поссорился. И Леша не думал, что это, оказывается, может быть так страшно. И еще он был уверен, что ничего более важного, чем ссора, с ним сегодня уже не произойдет, не случится.

Леша понуро возвращался домой. По пути ему попались люди в противогозах. Может, идут военные учения?

Дома Лешу ждала мама.

— Где ты был?! — мама бросилась к нему.

Мама была очень странная. Неужели Никита прибежал к ней и наябедничал?!

— Я гулял, — хмуро произнес Леша.

— Гулял?! Где же ты гулял, если ничего не слышал?! — мама была очень беспокойная, — сейчас по всем громкоговорителям, по радио, везде... Везде передали...

— Что передали? — все еще не понимал Леша.

— Что началась война, — выдохнула мама, и сразу обессилела, села на стул, как будто ей было очень трудно устоять на ногах.

— Война?

В первую секунду Леша, услышав это слово, подумал об индейцах, о которых хотел написать книгу Никита.

— Война, — повторила это слово мама с огромной болью в голосе. — Иди сюда, дай я обниму тебя.

И она прижала его к себе крепко-крепко, как делала это только очень давно, когда Леша был еще совсем маленьким.

А потом пришел Никита. Он уже знал, что началась война. И Леша подумал, что Никита пришел предложить написать книгу про шпионов, думая, что теперь Леша не откажется. Но Леша ошибся. Никита пришел совершенно за другим.

— Хоть мы и поссорились, — сказал он угрюмо, — и, может быть, никаких соавторов из нас не получится, но мы должны держаться вместе. Мало ли что.

Глава 2. Полтора часа на фронте

Через четыре дня после начала войны Никита пришел к Леше попрощаться. Еще с порога он протянул другу перочинный ножик.

— На, — отведя глаза в сторону, сказал Никита.

— Зачем? — растерялся Леша.

Он еще не понимал, что происходит. Он хорошо знал, что Никита не дорожит на свете ничем больше, чем этим ножичком. Он бы его раньше никому не отдал.

— На, бери, — повторил Никита, — на память. А то мало ли что.

— На память? — испугался Леша.

— Да. Я на фронт ухожу, — сообщил Никита.

Вот еще новости! Никита прошел в комнату и уселся в кресло, даже не сняв ботинок. Мама потом будет ругаться, но Леша не сделал другу никакого замечания, он понимал: сейчас происходит что-то очень серьезное, по сравнению с чем даже испачканное кресло — пустяк.

— Но ты за меня не волнуйся, — заверил Лешу Никита, — мы фашистов очень быстро разобьем, и я скоро вернусь.

В эти дни повсюду раздавалось слово «фашисты». У Леши особенное отношение к словам. Для него каждое слово живое. И слово «фашисты», даже если не знать, что оно означает коварных и подлых врагов, имеет неприятный, страшный запах. Еще оно похоже на оцетинившегося волка, жаждущего крови. Леша видел такого в кино.

— Я добровольцем иду на фронт. Буду папе помогать фашистов бить.

Никита произнес это с такой легкостью, как будто собирался помочь отцу гвозди забивать. Отец у Никиты — военный. И, конечно, раз началась война, он уже воюет. У Леши никогда не было папы, и он знает, что это очень непросто — жить без папы. Так что он прекрасно понимает: Никита хочет, чтобы война как можно скорее закончилась — тогда папа вернется в семью. Леша осторожно положил перочинный ножик на ладонь, словно это была бабочка, которая вот-вот взлетит.

— Возьми обратно, — сказал Леша, — если ты пойдешь на фронт, он тебе больше пригодится.

— Нет, — замотал головой Никита, — я не могу тебя тут вот так одного оставлять. Все-таки война. Вдруг в город прокрадется какой-нибудь шпион, а ты без оружия. Как ты тогда его поймаешь? И потом, — Никита закрыл глаза, явно что-то представляя, — вдруг со мной что-то случится. А это тебе на память останется. Нельзя, чтобы такая вещь пропадала.

Леша представил, что с Никитой и правда что-то случится. Как же он тогда будет один, без друга... Да еще за парту вместо Никиты посадят к Леше какого-нибудь зануду!

— Я с тобой, — сказал Леша, — если ты пойдешь воевать, то я тогда тоже пойду.

— Нет, — сжал губы Никита, — тебе нельзя.

— Это еще почему?!

Никита отвел глаза. Он долго не решался ничего сказать. Но Леша не переставал выжидательно на него смотреть.

— В общем, — замялся Никита, — я это... того... эксперимент провел.

— Какой еще эксперимент?! — удивился Леша.

Надо же! Война идет, а он какие-то эксперименты вздумал проводить!

— Ну, в общем, я это... попробовал что-то написать. Сочинить, то есть. Хотел посмотреть, получится ли у меня. Есть ли у меня талант. И я точно понял: я к писательству не приспособлен. У меня ничего не получится. А тебе хорошо удастся выдумывать всякие истории, у тебя наверняка этот талант есть. Поэтому если кому-нибудь из нас и идти на фронт, то только мне. Ты книгу должен написать. Настоящую. Но ты особенно за меня не волнуйся. Скорее всего со мной ничего не случится. Я быстро фашистов этих разобью и вернусь. Давай это... обнимемся, — предложил Никита, вставая с кресла.

Прежде они никогда не обнимались, но раньше никто из них не уходил на фронт.

На фронт Никита ушел на целых полтора часа. Вернулся он весь поникший, угрюмый.

— Меня не взяли, — процедил он, — говорят, маленький еще. Какой я им маленький?! Что я, с этими фашистами, не справлюсь, что ли?!

Леша молча протянул Никите перочинный ножик. Он не находил сейчас верных, нужных слов.

— Только не говори никому, что меня на фронт не взяли, — попросил Никита.

— Хорошо, — кивнул Леша.

— Ничего, — мотнул головой Никита, — мы еще что-нибудь придумаем, как тут, в городе, фронту помочь.

— Обязательно придумаем, — согласился Леша.

Глава 3. Перемирие

Прошло уже пятнадцать дней с начала войны, а мы все еще не победили. Город вокруг меняется, и меняется не так, как каждый год, когда кончается лето, уходят веселые запахи, перестает ярко и солнечно светить солнце, и начинается сентябрь, время садиться за школьную парту. Нет, на этот раз город становится другим совершенно иначе.

Раньше по радио, после того как кончались все передачи, желали слушателям спокойной ночи. А теперь не желают — видимо, нельзя призывать людей ко сну, раз идет война. Надо, чтобы они бодрствовали как можно дольше. Диктор объявил по радио, чтобы никто не выключал

репродукторов, на тот случай если раздастся сигнал воздушной тревоги. Раньше страшно было пропустить по радио какую-нибудь сказку, радиоспектакль, а теперь — сигнал воздушной тревоги. Это слово часто произносят взрослые.

Леша теперь слышит много новых слов, которые раньше никто практически не произносил. Например, слово «метроном». Это такой прибор, который отсчитывает время. Он все время звучит по радио, когда по нему никто не говорит. Метроном — это как будто голос песочных часов. Если он замолкнет, значит, что-то случилось, время сломалось, радио остановилось, враг подошел совсем близко к городу.

Фашистов часто называют словом «враг», как будто это один человек. Еще по радио объявили, что в войну вступила Финляндия, тоже решила напасть на Советский Союз. Леша знал, что война с Финляндией уже недавно была, а им, видите ли, все мало! Есть вот такие упрямые драчуны! Знает Леша и имя главного врага. Гитлер. Он очень смешной, с такими странными усиками. Но это он только притворяется таким смешным и нелепым, чтобы творить пакости исподтишка. Потому что он очень коварный. Как ведьмак. Гитлер и есть ведьмак. Не водяной, не леший... Водяные и лешие не такие подлые. Они бы не стали нападать на Советский Союз.

Город вокруг меняется. Его прячут. Это нелегко — спрятать такой большой и красивый город, он не уместится на ладони. Поэтому работа идет день и ночь. Перекрасили Исаакиевский собор и надели на золоченый шелом каску защитного цвета, закрасили золоченые шпили Петропавловского собора, Инженерного замка, купола Никольского собора... Надели сшитый из мешковины чехол на Адмиралтейскую иглу. Говорят, это делают для того, чтобы враг, фашист, гитлер не сбросил бы на них какую-нибудь бомбу. Но Леша думает: это все еще и для того чтобы не дать этому самому врагу хоть одним глазком посмотреть на наш удивительный, такой красивый город. Нечего ему глазеть! Недостойн!

А еще в этом году необыкновенно душистая, яркая и теплая сирень. Ее никто, конечно, не перекрашивает, не надевает на нее холщовый мешок, но никто ее не ломает, не рвет. Как будто боится теперь (не то, что раньше) сделать живое — неживым.

Город меняется вокруг: стекла многих домов заклеены белыми полосками, в скверах роют траншеи, и даже собственная Лешина школа преобразилась в лазарет. Леша много читал про всевозможные сказочные превращения, но вот к таким он еще не привык. Ему трудно представить, что в его школе будут не сидеть за партами он, Никита, другие ребята, а лечиться взрослые люди.

У школы он встретил учителя математики, Павла Егорыча.

— А что, мы теперь учиться не будем? — спросил Леша.

— Будете, обязательно будете, — задумчиво произнес Павел Егорыч, — нам теперь непременно бойцы нужны знающие. Чтобы врага разбить.

Леша тоже задумался. Ему еще учиться и учиться! Неужели до тех пор, как он выучится, война все еще не закончится?! Или мудрые ученые, в связи с тем, что случилось, быстренько изобрели специальные пилюли, которые, если их съешь, сразу наполняют тебя всевозможными знаниями?! Такое, конечно, только в сказках бывает, но Леше казалось: настало время, когда случается то, что прежде никогда бы не могло произойти.

Вот, например, вчера. Он никак не ожидал получить письмо от Тони. Она раньше не писала ему никаких писем, они и не дружили совсем, даже ссорились. И Леша думал, открывая почтовый ящик, что оттуда выпадет «Пионерская правда», но там оказалось письмо. Увидев конверт, он сначала предположил, что это кто-то прислал письмо маме. А потом увидел на конверте Тонины имя и фамилию. Тоня писала из деревни, куда уехала с родителями на лето.

«Привет, Леша! — писала Тоня. — Ты особенно-то не задавайся, когда получишь это письмо. Я бы никогда тебе его не написала, если бы не война. Я прекрасно помню, как ты дал списать Никите, а я увидела и сказала, что это нечестно. Но ты возразил мне, что это твой друг, и ты не хочешь, чтобы он получил двойку. Я еще пригрозила тебе, что пожалуюсь учительнице, и тогда мы с тобой очень сильно поссорились. Не думай, что я это забыла, и прощу тебе. Но пока идет война, предлагаю заключить перемирие. Я хочу получить точную информацию о том, что происходит у вас в городе, а лучше тебя мне никто об этом не напишет, так как ты очень много читаешь, и вообще ты умный, хоть и поссорился со мной. Я попросила у папы узнать твой адрес, куда тебе можно послать письмо, и он смог это сделать. У меня две причины, по которым я тебе сейчас пишу: 1) я волнуюсь за всех вас, за весь наш класс, и очень хочу поскорее всех увидеть; 2) мне тут немножко страшно одной.

Нет, я, конечно, тут не одна, но мне как-то не по себе оттого, что я оказалась так далеко от города в то время, когда началась война. Я очень испугалась, когда это услышала по радио. А потом, через несколько дней, у всех, у кого они были тут, взяли радиоприемники, на хранение. И у нас тоже. Говорят, что по ним могут передать какую-нибудь ложную информацию, если враг захватит радио, поэтому лучше, если их тут ни у кого не будет. Напиши мне, работает ли радио у вас, вообще напиши мне обо всем подробно. Как в газете. Передавай привет всем ребятам. И одевайтесь там теплее».

Так заканчивалось Тонино письмо. Ей казалось, что война — это когда очень-очень холодно.

Глава 4. Дуэль

С Лешей случилось несчастье: он заболел. У него жар. Леше очень неловко, что он заболел в такое сложное время, и он не хочет, чтобы кто-то отвлекался на его жар и температуру. Сейчас есть более важные дела: надо победить врага. Леша слышал, как девятнадцатилетний комсомолец Николай Татлин вступил в бой с одиннадцатью фашистскими самолетами. У этих самолетов особое название: «мессершмитты». Леша чуток к каждому слову. «Мессершмитт» звучит как жужжание осы. Леше снится небо, полное сошедших с ума ос, они так и норовят ужалить комсомольца Николая Татлина, но тот хватает их в кулак, не обращая внимания на укусы. Он ничего не боится. Леша тоже так хочет. У Леши жар. Ему снятся странные сны.

Николай Татлин удостоен звания героя Советского Союза. Еще Леша очень переживает за маму. У нее и так война, а тут еще приходится ухаживать за Лешей. Не вовремя он заболел.

Как-то Никита рассказал Леше, что специально ел снег, чтобы слечь с температурой, так ему не хотелось учиться. Но Никита не заболел, хотя очень хотел этого.

Никита пришел навестить друга. И можно быть уверенным: он пришел не для того чтобы заразиться и тоже слечь с большой температурой, ведь занятия в школе все еще не начались. Нет, он пришел к Леше, потому что они друзья. Он был очень грустный, Никита. Леша спросил, что случилось. Хотя, когда идет война, странно, конечно, спрашивать, что случилось. Никита отвел глаза в сторону. Леша даже привстал с кровати. У друзей не должно быть секретов.

— Что с тобой? — спросил Леша.

— Да так, — замялся Никита.

— Говори, — закашлялся Леша.

— Да я это... думал, что шпиона поймал.

— Шпиона?

— Ну да! Сам посудите! — затараторил вдруг отмалчивавшийся до того Никита, — в парке вижу: сидит такой... Очки, костюм. Вид задумчивый. Не просто задумчивый — сосредоточенный. И главное: в записную книжку все время что-то записывает. А потом в карман ее прячет. И по сторонам внимательно так оглядывается. А потом книжку свою вынимает и опять записывает. Ну, я и подумал, что это шпион.

— И что потом? — спросил Леша.

— Что потом, — раздраженно произнес Никита, — я за ним проследил. Дождлся, пока он перестанет в книжечку свою все записывать. Довел его до первого постового.

— И что?

— Ну, в общем, это оказался не шпион. Документы у него проверили. Все в порядке. Но меня все равно похвалили. За бдительность.

— Так кто же был твой шпион? — усмехнулся Леша.

— Писатель.

— Писатель?

— Да. Поэтому он все вокруг записывал в свою книжечку. Вы все, оказывается, такие задумчивые.

— Кто мы? — не понял Леша.

— Писатели.

— Но я же еще не писатель!

— Не скромничай, — уверенно сказал Никита, — ты еще обязательно напишешь книгу, настоящую, и поэтому уже можешь называться писателем. Это как ребенок все равно человек, даже если он еще не взрослый, — философски заключил Никита и тут же перешел к другой теме.

— Я это... придумал, как фронту помочь. Ты пока лежи, сил набирайся, и твоя очередь придет. А я уже сейчас начну.

— Что начнешь?

— У меня мама уже ездила. Кровь сдавать. Для фронта. И я тоже сдам. Завтра же. Только представь: на фронте ранят какого-нибудь бойца, и его спасут только потому, что я кровь для него сдал. Разве это не помощь фронту?! Я десять, двадцать, сто литров крови сдам! Я уколов не боюсь! Сто литров! Я сто бойцов спасу! — все больше увлекался Никита.

— Не сдашь.

— Это еще почему?!

— Потому что в человеке нет ста литров крови.

— А сколько же?!

— В теле взрослого человека пять-шесть литров. А в нас с тобой еще меньше.

— Это что же, — сразу поник Никита, — во мне крови столько же, сколько в трехлитровой банке огурцов?! Ладно, — очень грустно произнес Никита, — я все равно еще придумаю, как фронту помочь.

— Да, — вспомнил Леша, — тебе привет от Тони.

— От Тони? — удивился Никита. — Она же в деревне.

— Она мне письмо написала.

— Письмо? Вы ведь не дружили никогда. Ссорились даже.

— Теперь не до ссор. Теперь война. Глупо, если еще и мы будем ссориться. Она уже скучает по нашему классу. Я думаю, не такая уж она и плохая девчонка.

Леша до сих пор не написал ответ на Тонино письмо. Он уже несколько раз начинал. Но не хочется писать то, что она наверняка и без него

знает. Леша должен сообщить ей что-то очень-очень важное, только он еще не придумал, что именно.

После Никиты навестить Лешу пришла Римма.

Римма — самая красивая девочка в классе. У Леши, конечно, все одноклассники еще не такие взрослые, чтобы там, скажем, влюбляться, но почему-то откуда-то все знают, что Римма — самая красивая девочка в классе. Даже если в нее еще ни разу никто не влюбился. Она похожа на фарфоровую куклу. Она ступает так, как будто ноги ее не касаются земли. Она все время держит голову высоко поднятой. Она очень редко с кем-нибудь говорит. Леше кажется, что она сидит за партой неподвижно только затем, чтобы ею удобнее было любоваться.

И вот она почему-то пришла навестить Лешу. Да еще и принесла банку малинового варенья.

— Держи, — сказала она, — это поможет тебе выздороветь.

Леша смотрит на Римму. Она и правда очень красивая. Она могла бы стоять в музее вместо какой-нибудь статуи.

— Хочешь за косичку меня дернуть? — вдруг предлагает она.

— Зачем?

— Ну, не знаю. Вдруг ты всегда хотел это сделать, но боялся ко мне подойти.

— Не хотел. Никогда.

— Я так и думала. Ты совсем не похож на других мальчишек. Ты особенный. И я не могла не зайти к тебе. Попрощаться.

— Попрощаться?! — воскликнул Леша. — Ты думаешь, что я настолько сильно болею, что умру?!

— Нет, глупенький, — сказала Римма.

Она произнесла это так, как будто он был маленьким, заболевшим мальчиком, а она — совсем взрослой.

— Я уезжаю.

— Куда?

— Эвакуация. Я уезжаю с родителями. Они говорят, что это необходимо.

«Эвакуация». Леша уже не раз слышал это слово. Он знал, что из Эрмитажа и Русского музея увозят картины, ценные экспонаты... А вот теперь и Римму. Он представил, как Римму заключают в раму, и она становится нарисованной. Ее везут вместе с другими эрмитажными картинами. Римма — самая красивая девочка в классе. Она очень хрупкая. Она может разбиться.

— Я буду скучать, — говорит Римма.

— Да, — сообщает она, — занятия у вас все-таки скоро начнутся, мне папа сказал, он всегда все точно знает. Раньше, чем другие. Целых семь

школ Октябрьского района объединили, и теперь переводят в одну, в 279-ю, на Исаакиевской площади, напротив Александровского сада. Помнишь такую? Там у подъезда еще два льва стоят, о них и Пушкин в «Медном всаднике» писал.

Пушкин... Леша представляет, что было бы, если б Пушкин был жив сейчас. Перед глазами Леши отчетливо возникает картина: Пушкин стреляется не с Дантесом, а с Гитлером. Нет, Леша точно знает: живи Пушкин сейчас, он бы не позволил себе так просто погибнуть на дуэли, он обязательно бы застрелил Гитлера, потому что понимал бы, что от этой дуэли зависит не только его жизнь, но и жизнь других людей — Никиты, Тони, Риммы, Лешиной мамы... Всех советских граждан.

Римма осторожным поцелуем касается Лешиного лба, но он уже не чувствует этого. Он спит, у него опять начинается жар. Он видит, как Пушкин и Гитлер выбирают оружие для дуэли. Гитлер настаивает на том, что стреляться они будут из рогаток. Гитлер стоит в коротких штанишках. Гитлер ненавидит Пушкина, его ругали в детстве за то, что он не выучил «У Лукоморья дуб зеленый»...

У Леши жар. Ему снятся странные сны. Пушкин молчалив и сосредоточен. От дуэли зависит исход войны. Леша вдруг вспоминает, что до сих пор не написал ответ на Тонино письмо.

— Я тебя очень люблю, — говорит Тоня.

Что это?! Тоня?! Любит?! Кого?! Лешу?! Вот еще новость! Эта задавака?! Леша открывает глаза. Над ним склонилась мама.

— Я тебя очень люблю, — шепчет мама.

Он и так знает это. И оттого что она сейчас говорит это Леше, низко склонившись над ним, ему вдруг становится не радостно, а очень тревожно. Как будто мама предчувствует, что их может что-то разлучить.

Глава 5. Ленинград под водой

На столе стоит банка малинового варенья. Ее подарила Леше Римма, чтобы он поскорее выздоровел. Римма, самая красивая девочка в классе. Ложка застывает в руках Леши. На его глаза наворачиваются слезы.

Новости теперь узнают не только из газет и радио. Дурные вести передают из уст в уста, полушепотом. Леша все понимает. По радио нельзя сообщать обо всех потерях, чтобы враг не радовался, не злорадствовал ехидно. А они есть, эти потери. О том, что произошло, Леша узнал нечаянно, когда к маме зашла соседка, Клавдия Михайловна.

— Вот видишь, — сказала та, — хорошо получилось, что ты Лешу в эвакуацию не отправила, а ты переживала. Сколько вон деток-то погибло при этой эвакуации. Никого фриц не пожалел.

Мама испуганно перевела взгляд с Клавдии Михайловны на Лешу, она не хотела, чтобы он все это слышал, но соседку уже было не остановить, она спешно делилась всеми известными ей подробностями. Леше трудно представить, как это — Риммы, которая еще недавно сидела с ним за одной партой, больше нет. Леша вспомнил, как Римма, придя проститься перед эвакуацией, предложила дернуть ее за косичку. Где еще найдешь такую девчонку?! Леша пока не совсем понимает, что такое — смерть, что это — когда человека, которого ты так хорошо знал, больше нет. Люди, которые погибают в книжных романах, все равно остаются живыми. Можно начать читать книгу сначала, и тогда заколотый шпагой герцог, пронзенный стрелой индеец вновь становятся живыми, как раньше, до своей смерти.

Леша еще только начинает понимать, что такое смерть не в книгах. Каждый день он переживает даже короткое расставание с мамой. А смерть — это как если бы мама попрощалась с тобой навсегда. Смерть — это когда в том, кого больше нет, вдруг становится немножко твоей мамы, и поэтому начинаешь сильно скучать и тосковать по нему. Поэтому Леша теперь так скучает без Риммы, с которой никогда не дружил.

Леша смотрит на подаренную ему Риммой банку малинового варенья. Он боится дотронуться до нее. Просто держит ложку в руках. Римма хотела, чтобы он выздоровел. И он выздоравливает. Он сильный. Это все, что он может сейчас сделать для Риммы.

Леше становится страшно за маму, потому что погибла самая красивая девочка его класса. Не просто так укрывают от взгляда врага шпили и купола, увозят драгоценные картины. Враг зарится на все самое красивое, хочет разрушить, сломать это в первую очередь. А Леша точно знает: самое красивое, что есть в городе, — это его мама. Значит, фашист устроит на нее охоту. Леша должен ее сторожить, защищать, оберегать. Он сможет. Он уже почти совсем поправился.

Леша знает: враг все ближе подходит к Ленинграду. Он наступает стремительно. И Леше страшно за Тоню, которая теперь совсем не кажется ему задавакой. Он должен написать ей. Леша так до сих пор этого и не сделал. А ведь она ждет его письма.

Леша думает написать про Римму, рассказать про то, что случилось с ней. Но не может это выговорить на бумаге. Он не хочет делать больно Тоне, но и скрывать от нее правду тоже не желает. И Леша вдруг понимает, что такое — быть писателем. Быть писателем — это значит уметь

сказать мучительную правду так, чтобы от нее стало не только горько, но и светло. Это очень трудно, и у Леша еще очень плохо это получается. Он пока только мечтает стать писателем. И его первое творение, его рассказ, его сказка — это письмо Тоне. Он сочиняет его уже несколько дней. Леша понимает: это не просто письмо. Он должен приручить силы зла своим воображением. Потому что если считать войну началом страшной сказки, то закончится она все равно хорошо. В сказках не бывает по-другому, какие бы трудные испытания ни доводилось испытать героям.

За окном уже совсем темно. Ночь, словно огромная черная птица, укрывает город своим крылом. На редких прохожих искрятся маленькие светлячки. Покрытые фосфором кружочки на одежде помогают не споткнуться, не сбиться с дороги во тьме. Леше вдруг представляется, что светлячки эти — не производство артели, как пишут в газетах, а волшебные золотые рыбы, плывущие в водной глади ночи.

Леша читал про град Китеж, который хотел захватить хан Батый. Узнали монголы о тайных тропах к озеру Светлояру. Но подошедшая к стенам града орда удивилась тому, что град не имеет никаких укреплений. Думали вороги поживиться чужим добром, но хлынули фонтаны из-под земли, и вода стала заливать град Китеж. Ушел город под воду.

Кажется теперь Леше, что и Ленинград покоится на дне морском. Плывут за окном золотые рыбы. Колышется ночь, словно вода морская. Ленинград ушел под воду, потому что Леша изо всех сил пытается сочинить сказку, написать письмо Тоне, приручить силы зла. У него пока плохо это получается, ведь он еще не писатель. Он только очень хочет им стать.

Глава 6. Урок арифметики

Никите, в отличие от Леша, еще с первого класса совсем не давалась учеба. Многие даже удивлялись тому, как это такие разные мальчики крепко дружат. А ехидная Ира Туницына сказала однажды, что Никита дружит с Лешей только для того, чтобы у него все списывать. Но Леша знает, что это не так. Никита дружит с ним совсем не поэтому. Ему не то, что учиться — и списывать-то неинтересно. Но теперь идет война, и происходят совершенно удивительные вещи, случается то, что прежде никогда бы не могло произойти. Никита пришел к Леше на этот раз не только для того чтобы справиться о его здоровье.

— Сейчас идет война, — сказал Никита таким важным тоном, как будто Леша не знал это без него.

— ... И мы должны проявлять сознательность, — продолжил Никита. Тут он очень грустно вздохнул.

— Поэтому я просто не имею теперь права лениться, — обреченно вздохнул Никита, — я пришел к тебе заниматься уроками. Мне подтянуться надо. Это, кстати, поможет тебе окончательно выздороветь.

Леша не понял, каким образом это поможет ему справиться с болезнью, но он был рад, что Никита пришел к нему с таким желанием. Раньше ничего подобного и представить было невозможно. Мало того, что Никита не учил уроки, как-то он взял и пририсовал несколько штрихов к буквам прямо на обложке учебника. Вместо «сборник упражнений» получилось: «дворник упражнений». Ох, и досталось ему тогда от учительницы!

— У тебя дома так много книг, — сказал Никита, — все-таки твоя мама в библиотеке работает. Может, у тебя и учебники найдутся?

Учебники у Леши были. Он попросил маму принести их из библиотеки, чтобы заранее знать, что будут проходить в новом классе.

— Давай, — сказал Никита, — с арифметики начнем. У меня с ней хуже всего. Открой-ка на любой странице какую-нибудь задачку. Если я что-то не пойму, ты мне объяснишь. Мне надо быть сознательным.

— Давай, — сказал Леша и открыл учебник арифметики.

Никита с важным видом уселся у окна, скрестив руки на груди, как полководец, готовящийся вступить в решающее сражение.

— Писатель Николай Васильевич Гоголь, — прочел Леша, — умер 4 марта 1852 года, прожив сорок два года, одиннадцать месяцев и два дня. Когда родился Гоголь?

— Я же просил арифметику! — воскликнул Никита. — А ты мне литературу читаешь.

— Это и есть арифметика.

— Как это арифметика?! — всплеснул руками Никита. — Гоголь же — писатель!

— Но тут спрашивается про то, когда он родился.

— Я не знаю, когда он родился, — растерялся Никита, — я его еще не читал.

— Но для того, чтобы решить эту задачу, необязательно его читать. Кстати, зря ты его не читал. У него очень интересные книжки есть. И страшные. И смешные.

— Ну, вот! — возмутился Никита. — Говоришь «арифметика», а сам советуешь мне Гоголя читать! При чем тут арифметика?!

— Я тебе советую его читать, потому что он книжки интересные написал.

— Нет. Мне Фенимор Купер нравится. Вот это писатель. Ладно, давай другую задачку.

Теперь тяжело вздохнул Леша. Как, оказывается, тяжело быть учителем. Леша прочитал другую задачку. «В конце второй пятилетки в СССР было занято два миллиона сто пятьдесят пять тысяч женщин на работе по просвещению, по здравоохранению и на транспорте. Сколько женщин было занято на каждой работе в отдельности, если известно, что по просвещению работало на четыреста сорок две тысячи больше, чем по здравоохранению, а на транспорте — на сто девяносто семь женщин меньше, чем по здравоохранению?»

Никита, выслушав условие задачи, очень крепко задумался. Так крепко, что у Леши мелькнула уже было робкая надежда на то, что он справится с этой задачей. Прошло уже полторы минуты, не меньше, а Никита все еще сидел неподвижно. У него даже появились морщинки на лбу от сильных мыслей.

— Ну? — устал ждать Леша.

— Не мешай, — осадил его Никита.

— Чего не мешать?

— Я никак не могу их всех представить.

— Кого?

— Как это кого? Всех женщин, о которых говорится в задачке.

— Зачем же их представлять...

— Как это зачем?! О них ведь сообщают в задаче. Но мне трудно вообразить сразу столько лиц.

— Да это просто цифры, и все.

— Как это цифры?! Это не цифры. Это женщины. Это наши мамы.

— Наши мамы?

— Конечно. Там ведь говорится про просвещение и про транспорт. Твоя мама где работает? В библиотеке. А моя кондуктором в трамвае. Это же транспорт. Их я мигом представил. Вот были бы в задачке только они, я бы сразу ее решил. А тут попробуй вообрази одновременно столько женщин!

— Ладно, давай другую задачку, — вздохнул Леша.

Он решил, что если Никита не справится и с третьей, то больше не будет ему ничего задавать из этого учебника.

— Это из раздела «процентные вычисления». Ты хоть знаешь, что такое проценты?

— Знаю, — угрюмо ответил Никита, предчувствуя какой-то подвох.

«Одна семья зарабатывала тысячу рублей в месяц, а расходовала на питание 50% этой суммы, на жилище 12%, на одежду 20%, на культурные потребности 10%. Остальная сумма шла на другие нужды. Сколько рублей расходовала семья в месяц на питание, на жилище, на культурные потребности и другие нужды в отдельности?»

— Как это — 50 % на еду, — возмутился Никита, — и только 10% на культурные потребности?! Это что же, такая семья некультурная?!

— Почему это некультурная?..

— И что это еще за другие нужды, о которых говорится в задаче?! Какие еще другие нужды?! Подозрительная какая-то семья. На что это еще, интересно, они деньги тратят, кроме еды, жилища, одежды и культурных потребностей?! Да, кстати, — вспомнил Никита, — а ты читал в газете? Про выигрыши?

Удивительно, но при том, что Никита так трудно справлялся с задачами, память у него была очень хорошая, он легко запоминал любые цифры.

— В газете написали, что, несмотря на войну, сберкасса всем выплачивает выигрыши. Вон, за один только день, за 12 июля, по шестому тиражу Государственного займа выплатили тысячу двести десять выигрышей на общую сумму больше восьмисот тысяч рублей. Представляешь?! Как ты думаешь, на что все эти люди потратят выигранные деньги?! Они ведь должны проявить сознательность. Я вот раньше, если б выиграл, сразу бы велосипед купил. Но это раньше. А сейчас я все бы отдал, чтобы мы в войне победили. Тогда уже и на велосипеде можно покататься. Слушай! — оживился Никита. — А давай делом займемся!

— Это еще каким? — насторожился Леша.

— Ну, мы сейчас еще немножко подождем, пока ты совсем-совсем выздоровеешь, и пойдем проверять, как эти счастливики свой выигрыш тратят. Будем их сознательность контролировать.

— А как мы узнаем, где они живут?

— Ты думаешь, нам в сберкассе не скажут?

— Нет. Не скажут.

— Эх, — сокрушенно протянул Никита, — и почему меня на фронт не взяли! Там бы от меня больше пользы было!

— Но ты ведь сам понял, что учиться надо. Тем более, что занятия начнутся у нас скоро все-таки.

Леша замолчал. Ему стало очень грустно. Он представил, что место за партой Риммы теперь будет пустовать.

— Ты о чем думаешь? — спросил Никита.

— О Римме, — тяжело произнес Леша.

— Она жива, — вдруг твердо сказал Никита.

— Откуда ты взял?!

— Она жива, — повторил Никита.

— Нет. Клавдия Михайловна точно знает.

— Подумаешь, Клавдия Михайловна! Люди ошибаются, даже взрослые. Мало ли что она там напутала.

Леша задумался.

— И потом, Леш, знаешь... даже если Римма... даже, если она... Все равно. Это от нас с тобой прежде всего зависит, жива она или нет.

— Как это от нас?

— Так. Вот мы с тобой Фенимора Купера читали. Эта книжка когда написана? Лет сто назад?

— Ну.

— Вот тебе и ну! А в ней все герои до сих пор живые. Это только в обычной жизни человек сто лет не живет. Напиши про Римму, сочини что-нибудь такое красивое, удивительное, сказку свою. Чтобы она и через сто, тысячу лет была живой. Я верю, что у тебя получится.

Леша подумал: несмотря на то, что Никита так плохо справляется с задачами, у него тоже есть чему учиться.

Глава 7. Вновь на свободе

Как хорошо выйти на улицу после болезни! Даже во время войны. Вдохнуть воздух полной грудью, насладиться солнечным светом, не просеянным через стеклянное сито домашних окон, жадно вбирать в себя весь открывшийся взору город, чувствовать себя свободным и почти счастливым.

Леша испытывал гордость. Если бы он заболел раньше, в обычное время, ничего не было бы особенного в том, что ты сначала слег с температурой, а потом выздоровел. Но сейчас он гордился тем, что, пока доблестные советские солдаты воюют с фашистом, он сам тоже успел одержать свою маленькую победу. Он здоров. Его так просто не сломишь. И он еще покажет этим фрицам!

Первое впечатление Леша: пока он болел, город почти совсем не изменился. Раздается ребячий гвалт во дворе, дребезжит трамвай за углом, взлетают к крышам веселые стрижи. Но вот лица... Лица у людей совсем иные. Леша понимает: лица людей в военное время становятся другими, даже если вокруг летают веселые стрижи.

Есть у Леша в классе один мальчик, Ерема, он учится еще хуже, чем Никита. Никита — умный, и память у него очень хорошая, он сколько угодно цифр запомнит, даже если только один раз услышит, ему просто учиться неинтересно. А вот Ерема совсем ничего не понимает, ни о чем не думает. На любом уроке он весь превращается в тревожное ожидание, в напряженную мольбу о звонке, который вот-вот раздастся и возвестит перемену. И Леше кажется сейчас: во взглядах всех людей, которых он видит, застыло именно это вот мучительное ожидание, даже у

тех, кто еще улыбается. И не спасают от этой тревоги ни солнечный свет, ни привычный для мирного времени ребячий гвалт во дворе. Люди не просто идут по делам. Они несут в себе страх. Страх, что вот-вот раздастся истошный звук сирены. От воя сирены небо дрожит, как стекла машины на ухабах.

Нет, лишь в первые минуты на улице после болезни кажется, что город не изменился. Это только стрижи летают себе, как будто нет никакой войны. А там, где раньше красовались вывески, теперь зияет пустота, чтобы какой-нибудь шпион не узнал, где у нас какое предприятие находится. Никита говорил, что скоро у всех будут путеводители по городу изымать, чтобы враг ими, случись что, не завладел. Да тут уже и сам поди разберись, где теперь что! Вон, больница рядом с Лешиным домом нынче и не больница вовсе, а санитарно-обработочный пункт. Его собственная школа превращена в лазарет, и лазаретов этих становится все больше.

Правда, Леша не совсем понимает: почему готовится так много мест для раненых? Мы ведь совсем скоро должны победить — откуда возьмется столько раненых?! Или в этих лазаретах станут подлечивать пленных фрицев? Чтобы их потом перевоспитать?

— Леша! — послышалось за спиной.

Леша оглянулся. Семен, одноклассник.

— А мне Никита говорил, что ты болеешь.

— Выздоровел, — коротко сказал Леша.

У Леши к Семену особое отношение. Он вроде нормальный парень, но вот дружить с ним Леша бы не хотел, и при этом сам не понимает, почему.

— Хорошо, что ты выздоровел. А слышал, мы теперь в другой школе учиться будем?

— Слышал.

— Да, — как будто нечаянно вспомнил Семен, — Никита говорил, что ты книгу пишешь.

Надо же! Разболтал! И кому?! Зачем?!

— Да я так просто, — стал отнекиваться Леша.

— Это непросто, наверное, книгу написать. Ты пиши. Я прочту. Это я раньше читать не любил. А сейчас увлекся. Я недавно в ларьке книжку купил. Военную. Ее только выпустили. И там стихи. Такие здоровские, что я их даже выучил. Хочешь прочту?

Леша пожал плечами.

— Сам выучил. Не по заданию. Такие стихи здоровские, что мигом запоминаются. Прочешь? «Гитлер был укушен за ногу бульдогом, во дворце ужасный был переполох. Гитлер эту ногу почесал немного, а бульдог

взбесился и тотчас же сдох». Ну, как тебе стихи? Класс?! Я тоже хочу что-нибудь такое написать. Я уже пробовал. Но у меня с рифмой туговато. Никита так говорит.

— Никита?! Я вижу, вы с ним подружились, — ревниво сказал Леша.

Получается, пока он болел, Никита один не сидел, вон, нового друга себе присмотрел.

— Да, тебе Никита рассказывал — мы с ним в парке смотрели, как ополченцев тренируют? Их прямо в парке обучали: и как честь отдавать, как по-пластунски ползать, как гранату бросать....

— Нет. Ничего он мне не говорил.

— Странно. А ты сейчас не к нему идешь? Он тебя не с нами позвал?

— Куда это «с вами»?!

— Он тебе, что, ничего не говорил?

— Про что?

— Ну, как! Со вчерашнего дня введено круглосуточное дежурство на крышах и чердаках. Зажигательные бомбы чтобы тушить. Если такая упадет, весь дом вспыхнет. Ее надо железными щипцами ухватить, и в бочку с водой, а потом песком засыпать. Ну, вот мы и договорились с Никиткой пойти попроситься, чтобы нас взяли на такое дежурство.

У Леши чуть земля из-под ног не ушла. Неужели Никита мог так поступить за его спиной?! Друг, называется! Леше отчаянно захотелось увидеть друга (пока еще друга), в глаза ему посмотреть.

— Пойдем, — решительно сказал он Семену.

— Тоже хочешь с нами?

Дальше они шли молча.

Никита сначала растерялся, увидев рядом с Семеном Лешу.

— А ты... это... как ты тут, ты же болеешь.

— Выздоровел.

— Ты почему мне не сказал ничего? — строго спросил Леша. — У тебя новый друг теперь?

Семен удивленно прислушивался к этому разговору.

— Ты не понимаешь, — пробурчал Никита, — там опасно. Бомбы. Ты бы тоже захотел. А это опасно.

— Значит, ты обо мне заботишься, да?!

— Я хочу, чтобы ты книгу написал. Настоящую. Про нас. Про Римму. Про войну. Про все. Тебе этим надо заниматься. Правду писать.

— В «Правду» писать? — спросил Семен. — Нет, рано еще, газета слишком солидная.

— Я сам решу, чем мне надо заниматься, — огрызнулся Леша. — И потом, какую правду ты хочешь, чтобы я написал? Ты мне сам позавчера только говорил, чтобы я сказку сочинил. О Римме.

— Ну, пусть и сказку. Неважно.

— Так правду или сказку?

— Да выдумывать все, что угодно, можно. Воображать. Писателю без воображения никуда. Врать нельзя.

Леша внимательно смотрит в глаза Никите. Нет, глаза друга не лгут. Все, что он сказал, правда. Просто порой даже близкие друзья не сразу понимают друг друга.

Глава 8. Ссоры из-за них

Мама приходит с работы уставшей. Леша старается помочь ей по дому.

— Давай я тебе чем-нибудь помогу, — все время предлагает он.

Мама улыбается. Но у нее теперь какая-то другая улыбка, не такая, какая была до войны. Теперь она тревожная и усталая.

— У меня ведь пока много свободного времени, — говорит Леша. — Школа еще когда начнется!

Мама улыбается усталой своей улыбкой.

— Ты мне поможешь, если будешь учиться так же хорошо, как раньше. Несмотря ни на что.

Мама хочет, отчаянно желает, чтобы мир оставался для Леша прежним. Она старается не говорить с сыном о войне. Но речь о ней все равно то и дело заходит. Леша услышал фразу: «На войне день за год идет». И обрадовался. Если так, то он очень скоро вырастет. И тогда станет маме настоящим, взрослым помощником. Потом, правда, Леша подумал, можно ли считать так время здесь, в городе, но решил, что да. Он чувствовал, что тоже воюет. А не прячется, не отсиживается где-нибудь.

— Давай я тебе на работе помогу, — предлагает Леша маме, — формуляры заполнять, книги выдавать.

— Нет, Лешенька, не надо.

— Почему? У меня аккуратный почерк!

— Я знаю. Но ты меня будешь отвлекать.

— Чем?

— Тем, что я тебя очень люблю. Тот, кого очень любишь, всегда отвлекает. А у меня работа.

Леша понимает. Он уже совсем взрослый. На войне день идет за год. А война длится уже почти два месяца. Это же на сколько Леша стал старше! Нет, пора заканчивать эту войну, а то он в старика превратится! И тут он вдруг ловит себя на мысли, что воюет не только он один. И мама тоже становится старше. И, если война будет длиться еще несколько

месяцев, и она, и все люди в городе постареют, и мама будет ходить, сгорбленная, опираясь на палочку, с подслеповатыми глазами... Нет, нет, пора заканчивать эту войну!

Леша понимает, какая у мамы важная работа. Важнее, чем у мамы Иры Скобелевской, его одноклассницы, которую он встретил на улице. Она была очень грустной. В общем-то, нет ничего удивительного в том, что ты встречаешь грустных людей на улице, когда идет война. С чего бы им веселиться? Но все равно не так быстро к этому привыкаешь. С тех пор, как стало известно о том, что случилось с Риммой, Леша решил внимательнее относиться к своим одноклассникам. А то он себе не простит, если вдруг и с ними тоже что-нибудь произойдет. Поэтому Леша не прошагал мимо, кивнув Ире на ходу, а остановился, стал расспрашивать о делах.

— Не очень у меня дела, — сказала Ира, — у меня маму забрали.

От таких слов повеяло тревогой. Как это «забрали»?

— Куда? Кто?

— Окопы рыть. Телефонограмма была. В Эрмитаж. Семьдесят пять человек отправить на рытье окопов. Им выдали лопаты, кирки, пилы и топоры. Еду с собой поручили взять, кружку и котелок. И вещи теплые. Мама сказала, что вернется только через две недели. Это тяжело ведь, окопы рыть. А мужчин не хватает, они воюют.

— Мама! — говорит Леша уже своей маме на следующий день. — Обещай мне!

— Что?

— Нет, ты сначала пообещай!

— Хитренький. Так не получится.

— Обещай!

— Я обещаю, что постараюсь выполнить любую твою просьбу.

— Обещай, что, если тебя пошлют рыть окопы, ты меня с собой возьмешь! Окопы я тебе рыть не дам! Это мужская работа! Я буду сам копать окопы вместо тебя! И не надо на меня там отвлекаться!

— Хорошо, — смеется мама.

Она очень красиво смеется.

Леша подходит к ней, садится рядом, кладет голову к ней на колени. Он вдруг понимает, что такое война. Война — это когда кто-то идет к тебе, чтобы отнять у тебя самое дорогое, что у тебя есть. И каждый готов защищать это во что бы то ни стало, не потому, что он жадный, а потому, что очень любит. Война — это страх, что навсегда потеряешь то, что любишь больше всего на свете. Больше всего Леша боится потерять маму. Еще он представляет, что фашисты выросли такими несознательными, потому что не ходили в мамину библиотеку и не читали книг. Мама бы

им подобрала соответствующие книги, и они бы перевоспитались. Но теперь поздно. Теперь с ними можно только воевать.

Да, еще несколько дней назад для Леши все было просто: есть город Ленинград, страна, все советские люди — и враг, фриц, фашист. Все ясно. Как две футбольные команды, только тут уже вместо мячика — земной шар. Есть «свои» и «чужие», и Леша еще недавно представить не мог, что со своими можно поссориться не из-за чего-нибудь, а из-за фашистов. А таких ссор сразу случилось целых две. Причем первая — с одноклассником, Петькой Емельяновым.

Хотя занятия в школе еще не начались, Леша то и дело встречается своих одноклассников, живут-то все рядом. Петька шел и бормотал что-то себе под нос. Какие-то не очень понятные слова.

— Чего ты там бормочешь-то? — усмехнулся случайно повстречавший его Леша.

— Язык учу.

— Язык? Какой?

— Как какой? Немецкий, какой же еще!

— Ты тоже на фронт собрался?

Леша удивился. Петька всегда был самым трусливым мальчишкой в их классе. Неужели и он собрался пойти воевать?!

— Какой еще фронт! Надо заранее...

— Что заранее?

— Подготовиться. Иначе как потом... Скоро тут все по-немецки говорить будут.

— Это еще почему?!

— Как почему?! Потому что нас завоюют!

— С чего ты взял?!

— А с того! Немцы все ближе к городу подходят! Каждый день огромные расстояния преодолевают. Они очень хорошо подготовлены. И нас они скоро завоюют. Никто им не сопротивляется.

— Врешь! — возмутился Леша. — Еще как сопротивляются! Врешь!

— А чего же они так быстро все города завоёвывают?! Вот увидишь, скоро они и у нас будут.

— Ну, и пусть! — раздраженно, озлобленно воскликнул Леша. — Пусть придут! Хочу на них посмотреть!

— И кто им тут сопротивляться станет?!

— Я! Я им буду сопротивляться! И Никита! Он тоже точно будет! Увидишь еще! А ты учи свой немецкий! Зря учишь! Никогда на нем тут говорить не будут! Никогда! Слышишь?! Ты понял меня?!

Леша грозно надвигался на сразу поникшего одноклассника.

— Пусть приходят твои немцы! Я им покажу! Понял?!

— Да, ладно, чего ты, — выскользнул Петька, — я просто...

— Струсил? — осклабился Леша. — Струсил уже! Одного меня! Иди. Я тебя бить не буду. А Ленинград никогда не сдастся, потому что таких, как ты, здесь очень мало.

Леша потом долго переживал из-за этой ссоры, о которой он никому не рассказал. Но вскоре случилась еще одна ссора, и тоже из-за фашистов. Одни неприятности от этих фашистов, даже если они еще далеко! Леша гулял во дворе. Он часто выходил на улицу с книгой и шел читая. Ему нравилось читать на ходу. Его ноги будто соревновались с глазами, количество сделанных шагов — с числом прочитанных страниц. Так он и забрел в чужой, незнакомый до того двор, в котором плач отвлек его от книги. Большая компания ребят окружила плачущего ребенка. Леша подошел ближе.

— Тебе что? — осадили его.

— Чего он тут у вас плачет?

— Тебе какое дело?

— Есть дело. Чего насели на него?

— Иди себе мимо. Мы тут играем.

— Да? Это во что, интересно, если он слезами заливаается?

— В фашистов.

— Я не хочу быть фашистом! — вдруг заревел во весь голос обиженный мальчонка.

— Вы что, в фашистов, что ли играете?

— Да. Кто-то должен ими быть.

— Зачем?

— Затем, что мы играем.

— Я не хочу быть фашистом. Почему я?! Отпустите меня!

— Вот плакса!

— Почему я?! Почему обязательно мне надо быть фашистом?!

— Отпустите его! — сказал Леша так уверенно и грозно, что сам свой голос не узнал.

Ребята насторожились, не захотели связываться с незнакомым.

— Да пусть идет, плакса.

Ребенок тут же побежал прочь, боязливо оглядываясь.

— Вам играть, что ли, больше не во что? — зло спросил Леша. — Ребенка фашистом назначили! Вы вообще хоть что-то знаете о них?!

— Знаем! Вот мы и хотели потренироваться. Воевать.

— Воевать? Война с фашистом — это когда ты кого-то защищаешь. Что-то я не заметил, чтобы вы кого-то тут защищали.

И, не дожидаясь ответа, Леша зашагал прочь.

Верно говорят, что на войне день за год идет. Леша чувствует, как он стремительно взрослеет. Раньше бы он не высказал при ссоре таких

мудрых мыслей. А сейчас они даются ему легко. Потому что на войне день идет за год, и он стал старше. Он очень многое понимает. И каждый день приходит какое-то новое понимание. Например, сегодня. Теперь он знает: трудно не только с фашистами — непросто будет с некоторыми «своими».

Глава 9. Ведьма

Дома у Лешы поселилась ведьма. Он знает: сказки — не занимательное детское чтение, они дают ключ к пониманию мира. Другой бы и не догадался, кто эта женщина, так внезапно обосновавшаяся в его с мамой квартире. Но Лешу не обманешь: он сразу узнал ее.

У мамы есть одна старинная книга. Такая старинная, что буквы там не похожи на те, которыми пишут сейчас. Они не совсем русские, не советские. Например, твердый знак стоит не там, где ему следует находиться. Если бы Леша так написал в школе, ему бы двойку поставили. Мама объяснила Леше, что раньше, давно, до революции была другая орфография. И когда он показал книжку Никите, тот воскликнул: «Хорошо все-таки, что революция произошла! А то, похоже, еще больше правил бы учить пришлось!»

В книжке много картинок. Здорово они все нарисованы. Особенно Леше запомнилась сгорбленная, сморщенная старуха, с пронзительным взглядом исподлобья. Суровая ведьма на старинных книжных страницах ждала очередную жертву, чтобы сцапать ее когтистыми своими лапами. И вот та иллюстрация вдруг ожила, обосновалась прямо у него дома, да еще по-хозяйски распоряжается!

Вчера Никита прибежал к Леше ранним утром. Никита теперь все время куда-нибудь бежит. Он целыми днями напролет занят только одним — старается хоть как-нибудь помочь фронту. Принести хоть какую-то пользу. И это тот самый Никита, который совсем недавно сидел за партией со скучающим видом и ни за что не хотел учить никакие уроки.

— Металлолом! — выдохнул прямо на пороге запыхавшийся Никита, в руках которого был самовар.

Нелегко, наверное, было нестись с самоваром вприпрыжку.

— Давай что-нибудь! Я вон самовар несу! Сейчас цветной металл собирают. Чай я и потом попью. Сейчас не до чая. Есть у тебя что-то?! Это для фронта! Во что-нибудь нужное переплавят.

И тут не просто вышла, а выплыла из комнаты она. Ведьма.

— А дома знают, что ты самовар стащил? — вонзилась она в Никиту презрительным взглядом.

Голос у нее был очень скрипучий. Никита опешил. Так опешил, что даже назад попятился. Он не понимал, кто стоит перед ним и откуда здесь взялся. Леша делал за спиной женщины знаки, пытаясь объяснить, что это ведьма, и с ней надо быть осторожнее.

— Я тебе не дам из Алексея такого же, как ты, сорванца сделать! — грозно погрозила она Никите, вот так, с ходу записав того в «сорванцы».

— Я чувствую, ты его еще неизвестно чему научишь! Хорошо, я дома оказалась. А то бы он самовар взял и унес бы. Как мы бы потом чай-то пили!

То есть она здесь вечно жить собирается?! Леша готов к каким угодно трудностям, и фашистов он не боится (правда, не боится!), но он не согласен жить вместе с ведьмой. Тем более мама с тех пор, как она тут поселилась, стала какой-то другой, грустной, часто задумывающейся, осторожной в движениях. Она теперь ходила по собственной квартире так, как будто очень боялась что-нибудь разбить неловким жестом. Никита ушел, растерянный и расстроенный. А Леша решил очень серьезно поговорить с мамой. Это не может так долго продолжаться. Если ведьма заколдовала маму, то он что-нибудь придумает! Ему только нужна ясность. Один раз случайно Леша услышал обрывок разговора мамы с ведьмой.

— Я считаю, что мальчик должен знать правду.

— Нет, нет, пожалуйста! — взмолилась мама.

— Я считаю, что он уже достаточно взрослый для этого.

— Нет, нет, потом. Пожалуйста!

Леша должен непременно выяснить, что происходит.

Эх, Никита думает о шпионах! Все норовит их разоблачить. Да здесь дело посерьезнее! Тут ведьма поселилась перед самым носом, и даже запрещает сдать твой собственный самовар на металлолом для фронта! Ну, карга!

Леша ждет маму у работы. Он не заходит к ней, он помнит, что она ему сказала. Если он войдет к маме, она уже ничем не сможет заниматься, будет только любить сына. Но он должен поговорить с мамой наедине. Без этой карги.

— Леша! — воскликнула мама, увидев его. — Ты что тут делаешь?

— Я тебя жду.

Она прижимает сына к себе, гладит по голове. Но Леша уже знает: стоит им прийти домой, и мама станет совсем другой. Как будто немножко чужой. Что за чары наслала на нее ведьма?! И чего еще ждать от этой злой силы?

— Мама, — спрашивает Леша, — скажи, а ведьм в милицию сдают?

Мама залиvisto смеется.

— Ну, и вопросы ты задаешь!

— Я понимаю, что ты находишься под чарами, что тебя заколдовали, но я должен тебе открыть глаза! Ты приютила ведьму!

Мама останавливается.

— Это Василиса Петровна — ведьма?!

«Василиса Петровна»?! И имя-то какое себе придумала! Думает всех одурачить. Сама ведьма, а назвалась сказочным персонажем! Нет уж, нас не проведешь!

И тут раздается сигнал воздушной тревоги. Мама сразу пугается, крепко сжимает Лешину руку.

— Идем, идем скорее! Тут нельзя, на улице.

Воздушная тревога обозначает, что враг где-то совсем близко. Леше трудно представить, что небо, ночами усеянное звездами, небо, где летают птицы, манящее своей бесконечностью, небо может быть связано с чем-то плохим. Но небо — теперь не только звезды и солнце, не только луна и птицы, но и фашистские самолеты тоже.

— Идем, идем скорее, — торопит мама Лешу, и при этом как будто сама себе говорит. — Нет, она права, ты должен быть взрослым, должен все знать, иначе пропадешь, если что.

Поздним вечером мама, Василиса Петровна (как будто она обманет Лешу, что ее на самом деле так зовут!) и сам Леша собираются за столом.

— Леша, думаю, что нам все-таки надо очень серьезно поговорить с тобой.

— Давно пора! — ухмыляется ведьма. — Здоровяк какой уже! А до сих пор сказки читает! Я видела.

Конечно! Ей не нравится, что он читает сказки, потому что там про нее вся правда сказана. Про ведьму эту.

— В общем, Василиса Петровна — не просто наша гостя. Она... она твоя бабушка.

Что?! У Лешы немеют ноги. Становится очень холодно. Нет! Нет! Не может быть! Что это вообще такое?! Его бабушка — ведьма?! Он что, внук ведьмы?! Да кто же с ним захочет дружить после этого?!

— Ты уже не маленький, — берет слово Василиса Петровна, — и ты должен понять. Твои мама и папа расстались. Это бывает, взрослые расстаются. И я не хотела тебя травмировать.

— А сейчас почему?

— Что «почему»?

— Сейчас почему захотели травмировать?!

— Леша, не надо так с бабушкой!

— Да, чувствуется, конечно, отсутствие воспитания. Это все потому, что я с тобой рядом не была. Но ничего, сейчас все будет по-другому. Я твоим воспитанием займусь.

— Вы теперь с нами все время жить будете?!

— Два моих сына на фронте. Невестка с детьми в эвакуации. Я осталась одна. Я не хочу быть совсем одна в этом городе. Поэтому пока не закончится война, я буду жить с вами. Как твоя бабушка. Займись твоим воспитанием. А то я вижу, мама у тебя все время на работе, тобой и заняться некому.

— Не надо мной заниматься! — Леша готов заплакать от обиды.

— Не думай, что я никак не участвовала в твоей жизни. Просто травмировать тебя не хотела. А так я тебя видела. У школы, в саду. И игрушки тебе передавала через маму.

— Игрушки?!

— Да. Вон, у тебя и дорога железная — знаешь сколько она стоит?! Это мой подарок тебе.

Мама отводит глаза в сторону. Леша видит, что ей тоже очень больно от этого разговора.

— Если бы не война, — говорит Василиса Петровна, — ты бы обо мне и не узнал ничего. Но сейчас нельзя чужими людьми оставаться. Тем более, я твою маму никогда не винила. Твой папа сам виноват в том, что с твоей мамой расстался.

«Папа»...

Леша вдруг понимает, что у него, оказывается, тоже есть папа. И он воюет на фронте. И от всего этого становится так тревожно и страшно, так горько и обидно, как никогда еще не было за все дни войны.

Глава 10. Подарок

Жизнь, конечно, становится еще сложнее, когда у тебя откуда ни возьмишься появляется сразу столько новых родственников! Теперь у Леши были и папа, и бабушка, с которыми он не знал, что делать.

— Ничего, — сказал Никита после того, как Леша поведал ему обо всем случившемся, — вот кончится война, вернется твой отец, и поговоришь с ним.

— Не очень-то я и хочу! — обиженно буркнул Леша.

— К взрослым надо снисходительно относиться, — заключил Никита, — они много не понимают.

День войны идет за год, но, кажется, для Леши и Никиты время движется неодинаково. Никита взрослеет гораздо быстрее. Леше уже и не представить, что рядом с ним сейчас тот самый мальчуган, который беспомощно ждал его подсказок на контрольных работах в школе. Сейчас Никита — скорее старший товарищ, который знает о войне явно много больше, чем Леша.

— Вон, фрицы — взрослые, а дураки, — продолжил Никита, — не понимают, что мы их разделаем как орех.

— Ты моего папу с фрицем, что ли, сравнил? — насторожился Леша.

— Нет! Твой папа против них воюет, правильно? Значит, он не безнадёжен. Мало ли что там у них с твоей мамой произошло. Сам потом спросишь. Может, это твоя мама не хотела, чтобы вы виделись. А? Зато ты теперь точно знаешь, кто твой отец.

Леша до сих пор еще смутно представлял образ своего невесть откуда взявшегося отца, но Никите об этом он говорить не стал.

— А вот представь, каково другим!

— Кому другим?

— Да я вот историю недавно слышал. Я теперь, сам знаешь, много где бываю, то и дело что-нибудь услышишь. Из Москвы, говорят, эвакуация была. Там очень торопились, когда ясельных детей эвакуировали. И каждому имя и фамилию на ручонках написали. Химическим карандашом. Чтоб, значит, знать потом, кто из них кто. Это в самом начале войны еще было.

Леша вздрогнул при последних словах. «В самом начале войны». Лето уже заканчивается, а война все еще идет, и она уже длится так долго, что ее начало воспринимается как что-то очень отдаленное. И что они с Никитой напишут в сочинении на тему «как я провел лето», когда сядут за школьную парту?! Не о солнечных днях, не о детских играх и грибах и ягодах они напишут, — о воздушной тревоге, эвакуации, о том, как родные люди уходят на фронт.

— Ну вот, — продолжил Никита, — а когда все эти малыши на место прибыли, их выкупали с дороги. И все имена с рук смыли. Потом паника началась. Непонятно, кто есть кто. Пришлось мам тоже из Москвы вызывать, чтоб они своих детей опознали. Вот видишь... А ты теперь знаешь, кто твой отец. Можешь у бабушки пока расспросить о нем побольше.

— У бабушки? Она на ведьму похожа.

— Да, приятного в ней мало, — согласился Никита.

И спросил:

— Слушай, а ты про Римму уже написал? Сказку? Или там историю?

— Нет еще пока.

— Не получается?

— Я все-таки еще не писатель. Мне учиться надо. В школе вон сколько учишься. А писательство — это тоже наука, ее так просто сразу не освоишь.

— Верно, — кивнул Никита.

И, помолчав немного, сказал:

— А у меня для тебя подарок есть.

Подарок? Как-то за летние дни войны это слово уже совсем перестало звучать! А если и доводилось его услышать, то в другом, непраздничном значении. «Мы фрицу такой подарочек приготовим!»

— Подарок? — удивленно пожал плечами Леша. — У меня ведь нет никакого праздника.

— Ну и что?! Это настоящий подарок. Ни за что не догадаешься, какой. Такого у тебя еще точно не было.

Странно. Леша от любопытства елозил взглядом по Никите. Где он припрятал свой подарок?! Перочинный ножик он уже хотел однажды отдать Леше. Что же он преподнесет теперь?

— Этот подарок поможет тебе стать писателем, — важно произнес Никита.

Что же это такое? Особое перо?! Тетрадь? Самоучитель писательства?!

— Вот, например, военные, — принялся рассуждать Никита. — Они ведь опыта набираются у тех, кто раньше воевал. Учатся у более опытных. И писателю тоже надо общаться с тем, кто уже много чего написал. Помнишь, я тебе про писателя рассказывал, которого я за шпиона принял? Что с блокнотом в парке сидел? Я его еще в милицию хотел сдать. Я его недавно опять встретил. И он узнал меня. И такой говорит мне: «Вы меня сегодня тоже к постовому потащите, или я на этот раз могу спокойно поработать?». Но улыбаясь спросил. Без злости. Я понял, что он на меня зла не держит. Он понимает, что я как лучше хотел. Сейчас не мирное время, бдительными надо быть. Ну, и разговорились мы. Я ему про тебя рассказал.

— Про меня?!

— Да! Вы ведь коллеги.

— Но я ничего еще не написал!

— Напишешь! Успеешь. Но я договорился с этим писателем, Вячеслав Аркадьевич его зовут, что вы с ним встретитесь. Тебе с настоящими писателями общаться надо. А он настоящий. Я и книгу его видел уже. Про путешествия. Красивая такая. В общем, завтра он тебя ждет. У сада Ботанического. Он живет там рядом. В три часа тебя ждет. Он точно обещал, что придет. Ему даже интересно стало, когда я ему про тебя рассказал. Это мой тебе подарок.

— Я не пойду, — заявил вдруг Леша.

— Как это не пойдешь?

— Так. Если он настоящий писатель, то у него важные дела есть. Чем я могу ему быть интересен?!

— Это что еще такое?! — возмутился Никита. — Как это ты не пойдешь! Это встреча — мой тебе подарок! И ты пойдешь! Тебя вообще никто не спрашивает, — разозлился Никита.

— Вот сам и иди, — проворчал Леша.

— Я? Кто из нас будущий писатель?! Я или ты?! Но если хочешь, я тоже с тобой пойду. Если тебе страшно.

— И ничего мне не страшно!

— Вот и докажи!

Леша очень поздно заснул в этот день, все переживая о завтрашней встрече. Он до сих пор никогда еще не видел живого писателя. Леша все ворочался, елозил в кровати. Так что бабушка одернула его:

— Спи давай!

Это она только поселилась, а уже тут распоряжается! Ох, как бы избавиться от нее?! А когда Леша собрался на важную, волнующую встречу, она и вовсе хотела оставить его дома.

— Куда это ты собрался? — подозрительно спросила она.

— Так.

— Что-то странный ты сегодня. Или дома оставайся, или я с тобой пойду.

Вот еще! Пусть бабушка дома сидит, а не подслушивает разные писательские секреты! И Леша стремительно выбежал на улицу. За спиной его разносились возмущенные окрики.

Леша прибежал к Ботаническому саду раньше назначенного времени. Лето еще кончается, но деревья уже сияют алым золотом. Леша представил, что они тоже собираются на фронт, они уйдут, и не останется ничего, голая земля...

— Ну, здравствуйте, молодой человек! — весело воскликнул Вячеслав Аркадьевич.

Рядом с ним стоял Никита.

— Мне сказали, что ты начинающий писатель?

Леша сразу смутился. «Писатель», пусть даже с приставкой «начинающий», звучало как-то очень громко, как будто какое-то звание.

— Давайте присядем, поговорим. Вы же, ребята, не торопитесь?

Глаза у писателя были веселые, добрые. Леша не понимал, как Никита мог принять его за шпиона.

— Что-нибудь уже удалось сочинить? — спросил Вячеслав Аркадьевич.

— Нет, — честно признался Леша.

Еще не хватало врать самому писателю!

— Ну, что, значит все впереди. Вот Никита меня недавно за шпиона принял.

— Я уже извинился! — воскликнул тот.

— Да наоборот хорошо, что ты такой внимательный. Вот и писателю таким же нужно быть.

— Каким? — не понял Леша.

Ну и советы! Это что же, чтобы писателем стать, придется шпионов всюду ловить?!

— Только писателю вот так бдительно не к шпионам надо приглядываться.

— А к кому?!

— К словам.

— К словам?!

— Да! Да! Вот такую же бдительность надо проявлять к словам, когда книгу пишешь. Нужно ли слово ты подобрал, не закралось ли какое-нибудь чуждое, которое разрушит весь стиль, исказит идею, испортит замысел.

— Да, писателем стать не очень просто, — сказал Никита.

— Но я буду рад, если ты покажешь мне то, что напишешь. Я с удовольствием посмотрю. Может быть, какие-то советы мои тебе пригодятся. Раз уж я в городе. У меня со здоровьем все очень плохо. А так бы тоже на фронте сейчас был. По мне не видно, но... Я в серьезном деле только обуза. Так может здесь вот хоть пригожусь, нового писателя вместо себя выращу.

— А сами писать перестанете?

— Нет. Просто умру. Сейчас этого слова пугаться не надо. Но мне спокойно будет, если знать, что кто-то за меня допишет то, что я сказать не успею. А ни один писатель не успевает сказать все, что хочет. Недавно только Женю Панфилова и Андрюшу Голова убили. Фашисты убили. Женя стихи замечательные писал, у Андрея рассказы очень сильные получались. Столько еще сделать могли бы! У нас ведь половина Ленинградского отделения Союза писателей, сто пятьдесят человек считай, на фронт ушли. Из них даже самостоятельное воинское подразделение сформировали — писательский взвод. И командиром тоже писателя назначили — он еще в гражданскую войну воевал, у него опыт есть, он немцам спуска не даст. Взвод в состав Дзержинского полка вошел. И наши ребята показали, что не только перьями орудовать способны. На Лужском направлении они в составе дивизии, считай, на месяц врага задержали. И не словом, не стихами, а оружием. Многие наши там погибли. Но сейчас, кажется, писательский взвод переформировали в редакцию дивизионной газеты «За Советскую Родину». А то если все писатели на этой войне погибнут, о ней и рассказать будет некому.

— Мы тоже можем рассказать! — уверенно сказал Никита.

— Я буду очень рад, — улыбнулся Вячеслав Аркадьевич.

— А что нужно, чтобы стать писателем? — спросил Леша.

— Ну, для начала надо мир видеть как-то по-особенному. По-своему.

— Это как? Война же сейчас для всех одинакова.

— Да. Для всех. Но не для писателей. Они помогают другим людям увидеть привычное по-иному. Вот вы про Веру Инбер слышали?

— Про кого? — сощурился Никита.

— Она еще по радио недавно к ленинградцам обращалась. Стихи у нее замечательные. Она к нам из Москвы приехала. Рядом со мной живет. Рассказывала, как из столицы добиралась. Не книгу писала, а просто рассказывала о том, что видела. И столько деталей, сравнений у нее! Вот что значит глаз писательский. Их по дороге фашисты бомбили. Другой бы просто сообщил про то, что бомбили. А она — «мертвый лес» увидела, вывернутую с корнями березку. «Ее кора, — говорит, — с крапинками, скобочками, штрихами и точками напоминает стенограмму. Всю историю жизни. И эта запись на полуслове оборвана». Еще про луну она очень интересно рассказывала. «Луна взошла громадная, во все окно, неестественно розовая, словно восковая. И вмятины на ней — как отпечатки пальцев, точно ее держат чьи-то горячие руки». Ну, кто еще может так обычную луну увидеть?! И когда Вера Михайловна про бомбежки в Москве рассказывала, тоже прямо как книгу писала. Она запомнила необыкновенно красивые закаты в дни бомбежек. «Солнце подтягивалось к горизонту, и по мере того, как оно опускалось, поднимались аэростаты, словно один и тот же механизм заведовал этими спусками и подъемами».

— Понятно! — воскликнул Никита. — Значит, писатель — это тот, кто находит необычные сравнения. Тогда Леша точно писатель! Он свою бабушку с ведьмой сравнил!

— С ведьмой? — усмехнулся писатель.

— Да. Она точь-в-точь на нее похожа.

— Не годится, — сказал Вячеслав Аркадьевич, — это не сравнение. На обзывательство больше смахивает. Так и любой хулиган может. И потом, это зло очень звучит. Так про свою бабушку. Нам для мирного времени добрые писатели нужны. Которые, несмотря ни на что, с теплом обо всех нас расскажут. А мир в черных красках мы и так с вами увидим. Для этого талант не требуется.

Вячеслав Аркадьевич произнес эти слова в последний день лета 1941 года. И мальчишки еще не представляли, насколько черными, до боли в глазах, окажутся эти краски.

Глава 11. Огонь из пасти Змея Горыныча

Леша после совета настоящего писателя стал вслушиваться в слова, всматриваться в них. Пробовать на язык созвучия. Задумываться над значением.

Увидел театральную афишу, проходя мимо театра, и остановился. Раньше бы внимания не обратил. Не то, что теперь. «Последний бал». Странно звучит такое сочетание слов в дни войны, когда враг все ближе подходит к городу. Что значит «последний бал»?! Почему это последний?! Как будто в театре дают последнее прощальное представление перед тем, как сдать фашисту. Нет, не годятся такие афиши в дни войны!

Еще Леша помнил, что сказал ему писатель про то, что литературно одаренный человек находит какие-то удачные сравнения, которые никому другому бы просто не пришли в голову. С этим у Леши пока плохо получалось. И Никита решил ему помочь. Никита старается. Понятно. Ему ведь тоже хочется быть не просто Лешиным приятелем, а другом самого настоящего писателя.

— Давай так, — деловито сказал Никита, — ты возьмешь десять бумажек. Напишешь в каждой по одному слову. И я — тоже десять. Только подглядывать нельзя.

— А что потом? — не понял Леша.

— Мы их перемешаем, — увлеченно пояснял Никита свою идею, — и так между словами составятся пары. Тебе не надо будет ничего придумывать. Что с чем сравнить. Нужно будет только объяснить, что между ними общего. А это ты сумеешь.

Леша пожал плечами.

— Ну, давай, что ли, попробуем, — неуверенно согласился он.

— Давай! Давай, пиши свои слова! — торопил Лешу Никита. — Я вон уже последнее заканчиваю.

Леша задумчиво выводил слова на маленьких бумажках. Первые, что пришли в голову.

— Ну, тяни! — весело воскликнул Никита. — Что у тебя?

«Бабушка», — прочел Леша.

— Посмотрим, что у меня. «Утюг». Хм, — озадаченно сморщил брови Никита, — а я не думал, что это будет не так уж просто. Чем же утюг похож на бабушку? Или бабушка на утюг? Что между ними общего? Пролонговатые? Остроносые?

— Горячие. Им под руку только попадись! О бабушку ошпаришься, как об утюг.

— Вот это да! — просиял Никита. — Да ты настоящий писатель! Как ловко у тебя это получилось! Давай дальше. Что у тебя?

— «Яичница».

— А у меня «кузнечик». Ну, что скажешь? Как их сравнить? Яичница как кузнечик? Или кузнечик как яичница?

— Не знаю, — наморщил лоб Леша, — что-то не придумывается.

— Эх, — расстроился Никита, — тебе еще тренироваться надо!

Он хотел развернуть новую бумажку, но тут раздался сигнал воздушной тревоги.

Мама взяла у Леши обещание — чтобы он, где бы ни находился, сразу же при этом сигнале бежал в убежище. Леша должен быть верен своему обещанию. Но самое страшное — сидеть в этом убежище и не знать, где мама.

В убежище уже было много людей. В основном, женщины с маленькими детьми, одна из них с грудным младенцем на руках. За последние дни Леша уже успел привыкнуть к этим скамейкам вдоль длинных стен, радиорупору на стенной полке, к аптечному шкафчику — на тот случай, если кому-то станет плохо. Многие приходили сюда, как домой. Они уже успели обжить это наспех сооруженное для них пространство. Некоторые дремали. Леша не понимал, как они могут вот так спокойно сидеть здесь с закрытыми глазами, спать в то время, когда немец сбрасывает бомбы на Ленинград. Кто знает, вдруг во время этого сна бомба угодит в их собственный дом. Спать, когда неизвестно, где сейчас находится Лешина мама...

Раздался плач. Плакала маленькая девочка, лет четырех.

— Извините, — попросила сразу у всех прощения женщина, державшая девочку на коленях, — у Юленьки день рождения сегодня. А тут...

Глаза женщины увлажнились. И разрозненные обитатели убежища вдруг мгновенно сплотились между собой.

— С днем рождения! — одновременно воскликнуло сразу несколько голосов.

Вслед голосам потянулись руки. Каждый хотел найти хоть какой-нибудь, пусть самый малый подарок девочке, которой пришлось справлять свой день рождения в бомбоубежище. Кто протягивал ей карандаш, кто мигом сделанного из листка бумаги голубя... Девочка радовалась каждому подарку. Она больше не плакала, она улыбалась. Леша бы тоже улыбался, если бы знал, где сейчас его мама. О бабушке он в этот момент не думал.

— Спасибо, спасибо, — благодарила всех растроганная мама.

Люди в бомбоубежище справляли день рождения маленькой девочки в то самое время, когда их дома могли превратиться в руины.

Враг уже совсем близко. Бомбы падают на город с фашистских самолетов. Есть раненые. Есть убитые. Немец застал их врасплох, в обычной мирной жизни, не на фронте. Город уже обстреливает и вражеская артиллерия. Люди ждут беды. Тревожных разговоров стало больше после того, как в июле на ряд продуктов ввели продовольственные карточки. А сейчас объявили о снижении норм продажи хлеба населению.

Служащим теперь положено четыреста граммов хлеба вместо восьмисот. Детям — триста (было четыреста). Леша думал, что так нужно для фронта. Чтобы хлеба хватило сражающимся бойцам.

— О! Вы здесь! Очень рад! — воскликнул вошедший в убежище Вячеслав Аркадьевич.

Он сразу узнал мальчиков.

— А вы мою маму не видели там? — сразу же спросил Леша.

— Нет, — сказал Вячеслав Аркадьевич, — никаких женщин я там не видел.

Леша тяжело вздохнул. Писатель сел рядом с мальчиками.

— Ну, как, — спросил он, — получается что-то писать?

— Нет, — мотнул головой Леша.

— Ну, ничего, пока глаз примеривается. Помните, я вам про Веру Михайловну Инбер рассказывал? Вот у кого глаз так глаз, острый!

— Как у индейца?! — воскликнул Никита.

— Ну, почти, — усмехнулся Вячеслав Аркадьевич, — она уже дважды чуть не погибла. И, вместо того чтобы жаловаться, ужасы разные описывать, знаете, что мне говорила? «Я вот что заметила, Вячеслав Аркадьевич. Оказывается, дома от газов взрывной волны меняют окраску. Так человек меняется в лице от потрясения». Вот это писатель! Как вам сравнение?!

Леша с укором посмотрел на Никиту, который втянул его в эту игру с бумажками. Леше неудобно было перед Вячеславом Аркадьевичем за яичницу и кузнечика, за бабушку и уют.

— А еще, — продолжал Вячеслав Аркадьевич, — знаете, кто у нее недавно побывал? Дальняя родственница самого Пушкина, представляете? Надо вас познакомить!

Леша слышал про «болдинскую осень», в которую великий Александр Сергеевич написал множество шедевров. А что бы он сочинил сейчас, осенью 1941 года, когда не только деревья роняют золотые листья, но и бомбы падают на город, когда посреди бела дня погибают ни в чем не повинные люди?

— Вера Каэтановна ее зовут. Рассказывала, что ее дочь бежала из Пушкина. От фашистов. Представляете?! Родственница Пушкина бежит из Пушкина! Это какой-то морок, жуть, наваждение!

— А вы меня познакомите с этой родственницей Пушкина? — сосредоточенно спросил Никита.

— Попробую. Тоже хочешь быть писателем?

— Нет. Мне для другого.

— Для чего же?!

— Да если учительница русского и литературы узнает, что я с самой родственницей Пушкина знаком, ни за что мне двойку не вцепит!

— Ну, дело важное, — усмехнулся Вячеслав Аркадьевич.

Когда Леша вернулся домой, мама уже была там.

— Почему ты не пришла в убежище? — накинулся на нее Леша.

— Я хотела проверить, нет ли здесь тебя. Вдруг ты не сдержал обещания. Тебе было страшно?

— Мне было страшно за тебя.

— А за меня? — выплыла из комнаты бабушка. — Я все-таки тебе тоже родственница.

«Бабушка и уют», — вспомнил Леша и улыбнулся.

И ему вдруг стало хорошо и спокойно оттого, что он дома, даже оттого (невероятно!), что у него есть не только мама, но и бабушка, что дом остался цел, и еще оттого, что он когда-нибудь обязательно станет писателем. Он почему-то сейчас очень верил в это.

Но на следующий день, 8 сентября, оставаться спокойным было невозможно. Грохот зенитных орудий, черные клубы дыма, небо, шипящее будто на раскаленной сковородке, зарево огней...

— Продовольственные склады! Продовольственные склады горят!

Леша не искал никаких сравнений, не пробовал на слух созвучия — он видел, ясно видел, что черный огонь изрыгается из пасти Змея Горыныча. И тонет в этом огне град на Неве. Тонет в огне. Сейчас и такое возможно.

Похоже, Леша становится писателем. Только его это уже совсем не радует.

Глава 12. Клык из пасти Змея Горыныча

Леша получил от Тони уже второе письмо.

«Здравствуй, Леша. Я так и не дождалась от тебя ответа. В другое бы время я обиделась и вообще не стала бы больше с тобой разговаривать. Но сейчас у тебя есть оправдание. Война. Я понимаю, что в такое сложное время не всегда можно найти удобную минутку, чтобы написать мне письмо. Тем более, что мы с тобой никогда и не дружили. И думаю, что нам уже никогда не удастся это исправить.»

Я, похоже, скоро уезжаю, но не обратно, в Ленинград, а в другой город. Мама говорит, что в Ленинграде теперь очень опасно, и нам нельзя туда возвращаться. Я представила, что никогда больше не увижу наш город, и мне стало очень страшно. Вы уж там не сдавайте его, хорошо? Я очень на вас всех надеюсь. Я скоро уеду, и думаю, что не дожусь твоих писем, не знаю точно свой новый адрес, поэтому пока не сообщаю. Я пишу тебе потому, что хочу попрощаться. Чтобы ты сказал всем ребя-

там про меня. Я слышала, правда, что первого сентября вы не пошли в школу. Но так не должно продолжаться долго. И смотри, пожалуйста, чтоб твой друг Никита совсем не отвлекся от учебы и не прикрывался бы войной. Я знаю, он может. Но ты его друг, и поэтому не должен ему потакать.

Я сейчас каждый день, час, минутку каждую представляю, как у вас там в городе. Очень скучаю по школе. Хотя у нас тут тоже происходят события. Вот вчера только я видела пленного фашиста. Парашютист спрыгнул с падающего в лес аэроплана, а его тут и поймали. Вот раньше говорили о какой-то неожиданности: «как снег на голову». Думаю, что скоро многие выражения будут звучать иначе. Станут, например, говорить: «как фашист на голову». Ведь, оказывается, они тоже сваливаются с неба, и это еще неожиданней, чем снег. Я видела этого фашиста, взятого в плен, своими глазами. У него нет ни рогов, ни копыт, он выглядит, как обыкновенный человек. И от этого становится особенно страшно.

А вообще мне здесь очень грустно. Я совсем не думала, что так будет. Какая-то грусть всюду. Сюда бы художника, который рисует печальные картины! Он бы много чего здесь нашел. Вот стоит неподвижно журавль, как застывший маятник часов, вот одинокий тополь на холме... Он мне напоминает крест на могиле».

Леша, вздрогнул, прочитав эти слова. Какие необычные сравнения у Тони. Она что, тоже собирается стать писательницей? Отчего в ее письме появились такие сочетания слов?! И что бы она сказала, если б узнала, как Леша, чтобы придумать необычные сравнения, писал вместе с Никитой на бумажках первые пришедшие в голову слова?

«Здесь есть одна лошадка, — писала Тоня, — я с ней особенно подружилась. У нее вид, как у бездомного пса, такой, как будто ее выгнали, и ей некуда пойти. Она очень нужна в хозяйстве, но у нее глаза такие грустные, она как будто заблудилась, потерялась. И я боюсь, что буду выглядеть так же в эвакуации. Потому что я не очень понимаю, куда я еду. Только вы уж, пожалуйста, не сдавайте врагу Ленинград! Хорошо? Я не могу думать о том, что, когда увижу его вновь, он будет завешан немецкими флагами, и на наших улицах станет звучать немецкая речь. Я тебя очень прошу, Леша, сделай, пожалуйста, все, что можешь, чтобы этого не произошло. Как бы я хотела сейчас быть с вами! У меня в последнее время одна только радость. Я закрываю глаза и представляю, что бревенчатая изба, в которой я тут живу, — это пароход. Я словно в каюте. И ночь — как будто море. Мой кораблик скользит по ее черным волнам. И луна в небе похожа на штурвал. Мой кораблик плывет в ночи. Навстречу вам всем. И если ты вдруг увидишь, как дети запускают кораблик в лужах, знай, пожалуйста: это я приплыла к вам».

Леша несколько раз перечитывал эти строчки. Так вот у кого, оказывается, писательский талант. Может быть, Тоня всегда писала рассказы, только не говорила об этом? Но поздно: теперь ее не спросишь. Неизвестно, когда доведется увидаться.

«Передавай много-много приветов всем нашим», — заканчивала Тоня свое письмо.

Леша корил себя за то, что не успел написать ответ Тоне раньше, на первое ее послание. Но о чем бы он сообщил ей сейчас?! Она ведь хочет знать, как дела здесь, в Ленинграде.

Плохи дела в Ленинграде. Враг решительно наступает, словно с цепи сорвался. За один только день, 9 сентября, немецкие самолеты, прорвавшиеся к небу над самым городом, сбросили десятки фугасных и почти две тысячи зажигательных бомб. Город охватили пожары. Плыви, плыви, кораблик, к охваченным заревом берегам!

Положение Ленинграда настолько тяжелое, что уже с крейсера «Аврора» сняли пушки и отправили на сухопутный фронт. Теперь стреляют они между Дудергофом и Пулковскими высотами. Плыви, плыви, бумажный кораблик, из далекой деревни навстречу родному граду! Только если луна — штурвал, кто встанет к нему?! Где найти такого исполина?!

Пароход с баржами зерна и муки для Ленинграда справился со штурмующей Ладогой, но никак не мог пришвартоваться. 12 сентября — новое снижение продовольственных норм. Теперь рабочим положено только пятьсот граммов хлеба в день, служащим и детям до двенадцати лет — триста. Нет, не хочется Леше писать об этом, рассказывать, как дома превращаются в руины... Это невероятно, непостижимо! Только вчера ты проходил мимо, а сегодня от здания ничего не осталось. Не будет больше зажигаться свет в окнах, никто не будет делать там уроки, ложиться спать, вставать на работу. Самая привычная жизнь, о которой Леша совсем не задумывался, которая еще недавно не представляла ничего особенного, теперь обретала в его глазах какую-то особую, непреходящую ценность. Фашист лишал его этой привычной жизни.

Леша сидит за столом. Перед ним — полученное из далекой деревни письмо. Только Тоне писать ответ бесполезно: она сообщила, что скоро уедет. Вообще странно, что в охваченном взрывами и пожарами мире, рассыпающемся как карточный домик, еще можно получить письмо издалека. Это тоже представляется теперь невероятным.

И вдруг Леша понимает, кому он хочет написать письмо. Не Тоне, что собирается уехать из деревни в какой-то другой город. Леша очень надеется, что все у нее будет благополучно, и что они еще увидятся, но сейчас ему нечего ей сказать. Римме — вот кому он желает сейчас отправить послание в неведомое. Римме, которой больше нет, Римме, сги-

нувшей в эвакуации, самой красивой девочке класса, Римме... Если он будет писать ей — все равно, куда — на небо, в неведомую даль, в бескрайние лесные просторы, не важно куда, — каждая его строчка будет воскрешать ее. Пока он пишет ей, она жива. Потому что он разговаривает с ней. Вот что значит быть писателем, понимает Леша. И неважно, какие сравнения ты найдешь, какие созвучия используешь.

«Рима! — пишет Леша, — не бойся за нас, пожалуйста!

Ты, наверное, слышишь взрывы, грохот орудий. Не подумай, что у нас война, и что враг скоро захватит Ленинград. Такого никогда не может произойти. Это просто Змей Горыныч пришел к зубному врачу и попросил вырвать ему несколько клыков. Вот он и кричит, полыхает огнем, вся земля трясется. Встрепенулся Горыныч — и повис зубной врач, бедняга, над землей, уцепившись за клык, словно за выступ скалы над пропастью. Того и гляди, разобьется. А Горыныч лютует. Ищут добрых молодцев, что вырвут из пасти горынской эти клыки несчастные.

Решил и я свое счастье попытать, хоть никому еще не сказал об этом. Надеюсь, вернусь не с пустыми руками, а достану тебе в подарок клык из пасти самого Змея Горыныча.

Твой друг Леша».

Раньше бы Леша постеснялся вот так запросто записать себя в друзья самой красивой девочки в классе. Но Риммы, может статься, нет уже на свете, а сам он теперь не просто ее одноклассник. Он — писатель (и ничего, что начинающий). От такого друга Римма не откажется.

Глава 13. Писательница и бомба

Никита с Лешей замороженно ходили вдоль книжных шкафов. Сколько книг было дома у Вячеслава Аркадьевича!

— И вы все прочли? — спросил Никита.

— Нет, — улыбнулся Вячеслав Аркадьевич, — это невозможно.

— А зачем вам тогда столько книг?

— Я их слышу. Даже когда не читаю. Ложусь спать, закрываю глаза, и тогда книжные страницы шумят, как море, как приложенная к уху морская раковина. Мне приходилось ночевать в доме, где нет ни единой книги. И там я ничего не слышал.

— Значит, если иметь много книг, можно и на море не ездить? — спросил Никита.

— Нет. В книгах все-таки не искупаешься и на солнце не загорись. Но хорошо, когда их много в доме. Книги — это душа дома.

— А у меня мало книг, — озадаченно произнес Никита, — значит, у моего дома совсем маленькая душа?

Вячеслав Аркадьевич засмеялся.

— Какие вы еще смешные, ребята. Вам бы в мяч во дворе играть. А на вас война свалилась.

— Ничего, мы справимся, — уверенно сказал Никита.

— Справитесь, конечно, справитесь, — согласился Вячеслав Аркадьевич, — только повзрослеете быстро. Вот что жалко.

Леша подошел к окну. Еще никого. Мальчики ждали Веру Михайловну Инбер. Вячеслав Аркадьевич обещал их познакомить.

— Она человек очень-очень занятой, — сразу предупредил писатель, — только по старой дружбе согласилась заглянуть на минуту. Вас хочу ей показать. Вам повезло. Очень. С настоящей писательницей познакомитесь. Она в Ленинград приехала, потому что муж ее здесь медицинский институт возглавляет. Ему свой пост не оставить. Да, мальчики, — забеспокоился вдруг Вячеслав Аркадьевич, — вы только не спрашивайте ее о прошлом, о том, какие она стихи раньше писала.

— Почему? — удивился Леша.

— Ну, она их... как бы это сказать... стесняется. Она сейчас совсем по-другому пишет. О героизме. О подвигах наших граждан. О социалистическом строительстве. А прежде у нее иные стихи были, она не любит их вспоминать. Но тогда все поэты так писали — по-декадентски.

— Как?!

— Ну, необычно, вычурно. Вот, например, я вам одно стихотворение прочту. Не Веры Михайловны — другого поэта, чтоб вы понимали.

— Давайте, — заинтересовались мальчики.

— О закрой свои бледные ноги, — нараспев прочел Вячеслав Аркадьевич.

— У меня бледные ноги? — смутился Никита. — С чего вы взяли? Как вы можете видеть через штаны? И чем я их должен закрыть?

— Да это я стихотворение прочел, — улыбнулся Вячеслав Аркадьевич.

— Как это, — развел руками Никита, — стихотворение? Это?! А где же продолжение?!

— Это все. Все стихотворение. Очень популярное, кстати, в свое время было.

— Хм, — задумался Никита, — а я, пожалуй, рано решил, что не могу стать писателем. Если это стихи, то и я поэтом могу быть. Тоже что-нибудь эдакое напишу. «Отвори мне сегодня окно». Все?! Теперь я поэт?!

— Нет. Теперь так не пишут. Сейчас этого мало, чтобы стать поэтом.

Тут раздался шум мотора за окном.

— Из машины женщина выходит, — сказал Леша. — Это не Вера Михайловна?

— Она, — подтвердил подошедший к окну Вячеслав Аркадьевич.

— А у нее что, своя машина? И шофер?

— Вот это да! — воскликнул Никита. — Это у всех писателей свои машины с шоферами?

— Нет. Конечно, не у всех. У меня ведь нет.

— А машины дают самым талантливым?

— Да, — улыбнулся Вячеслав Аркадьевич.

Он явно не хотел продолжать этот разговор.

Раздался дверной звонок. В комнату вошла маленькая рыжеволосая женщина, больше похожая на какую-нибудь учительницу, а не на писательницу.

— Вот! — помогая Вере Михайловне снять пальто, сказал Вячеслав Аркадьевич, — мальчики, о которых я говорил. Спасибо, что нашли время.

— Я ненадолго, — сразу предупредила писательница, — но очень любопытно было на вас посмотреть. И кто из вас двоих писатель?

Леше даже стало немножко обидно от этого вопроса. Что значит, кто из них писатель? Ему казалось, что он уже достаточно натерпелся, чтобы как-то преобразиться, чтобы и внешне по нему можно было сказать, что он серьезно занимается литературой.

— К себе, мальчики, вас не приглашаю, — сказала Вера Михайловна, — а то у нас событие. Упала к нам бомба и не разорвалась. И сейчас этот гостинец там. Целый день над ней саперная бригада колдовала, но достать бомбу так и не смогли. Уже и трамваи мимо нас не ходят, и пешеходов не пускают. Живу сейчас в оцеплении из-за той бомбы. И, знаете, я ведь и удара-то не ощутила, когда этакая махина рядом свалилась. Так, показалось, что где-то в отдалении тяжелая дверь хлопнула. А это не дверь, а бомба. Подрывники из сил выбиваются, а она лежит, как страшный клад, и все дальше в землю уходит. Земля уже в саду вся изрыта.

— То есть вы можете погибнуть? — испугался Леша. — Переселяйтесь к нам!

— Спасибо. Но я ведь там каждый день к раненым захожу. Как я их оставлю?!

— Вы еще и медсестра?!

— Ну, в какой-то степени. Я им книги читаю. Горького, Некрасова. Марк Твен им очень нравится.

— А Фенимора Купера? — поинтересовался Никита.

— Купера нет еще, не читала.

— Почитайте обязательно! — деловито посоветовал Никита.

— Хорошо. А вы-то мне свои стихи почитаете? Я заглянула послушать, что сейчас молодежь пишет.

— Вообще-то, мы еще только будущие писатели, — признался Никита.

Вера Михайловна вопросительно взглянула на Вячеслава Аркадьевича.

— Я просто думал, может можно им что-то посоветовать, — стал оправдываться тот.

— Во Дворце пионеров литературной кружок, знаю, был. Туда для начала бы записаться, но сейчас там госпиталь. Вот кончится война, обязательно запишитесь.

— У нас в школе тоже госпиталь, — сообщил Никита.

— А когда она кончится, война? — спросил Леша.

Вере Михайловне явно не понравился этот вопрос.

— Мне пора, — сказала она.

— Как?! Уже?! — расстроились мальчики.

— Я сказала, что ненадолго. Меня машина ждет. Хотела только на вас посмотреть. Знаете, недавно вот совсем ваша ровесница почти, еще меньше, девочка... Ее привезли раненую, она все жаловалась, что ей больно от резинового жгута, который ногу стягивает. Ее утешали, что скоро будет не больно. Маленькая совсем девочка, плачет, от боли кричит. Приходит потом в себя после наркоза, и первое, что говорит: «Как хорошо, теперь и правда не больно». Говорит, а сама не знает, что раненую ногу ей пришлось ампутировать. Мне, мальчики, не только по долгу, но и по месту жительства приходится все время раненых видеть. Война у меня каждый день перед глазами. А теперь еще эта бомба. И, знаете, когда я вечером вхожу в свою комнату, где светло и тихо, после холодной лестницы и темного коридора, где у меня на письменном столе горит маленькая электрическая лампа, которую я привезла с собой из Москвы, этот вот кружочек света кажется мне прибежищем, тихим раем, защитой, очагом, опорой. Вот творчество — как такой свет лампы среди всех ужасов. Ну, мальчики, наговорила я тут вам. Давайте прощаться.

Когда закрылась дверь за Верой Михайловной, Никита объявил:

— Мы должны что-то сделать!

— Что? — не понял, о чем идет речь, Леша.

— Ты не слышал про бомбу? Мы должны что-то сделать! Ты ведь не хочешь, чтобы в городе стало на одну писательницу меньше?!

— Там целая саперная бригада работает. А мы что можем сделать?!

— Ты считаешь, что это невозможно, да?

— Да, — вынужден был согласиться Леша.

— Эх, ты, — отмахнулся от него Никита, — а еще будущий писатель!

Писатель — это тот, кто верит в невозможное!

Глава 14. Невозможное

Бомбу, о которой говорила писательница, все-таки обезвредили. Открутили взрыватель, и длинной лопаточкой выгребли зеленоватую глину — тротил, страшное взрывчатое вещество. Но когда Никита узнал об этом, он не обрадовался, а наоборот, даже огорчился, кажется. Леша не понимал, что его расстроило. Он ведь так переживал за писательницу.

— Это должны были сделать мы! — в сердцах воскликнул Никита. — Мы должны были ее спасти! А не кто-то другой.

Никите явно хочется совершить какой-то героический поступок. Но Леша теперь часто задумывался над его словами о том, что «писатель — это тот, кто верит в невозможное».

Но «невозможное» бывает разным. То, что происходит сейчас, тоже еще недавно казалось невозможным. Враг уже подошел к городу, он совсем близко. Он как будто притаился у самых твоих дверей и вот-вот перешагнет порог твоего дома. Немецкие самолеты летают над городом вместо птиц. Невозможное стало привычной жизнью. Это такая война, когда даже вкус хлеба становится другим. Чтобы уменьшить расход муки, к ней теперь при выпечке хлеба примешивают солод, соевую, овсяную муку, а то и жмых. После того как сгорели продуктовые склады, голода боятся не меньше, чем немцев. В начале октября объявлено уже о третьем по счету снижении хлебного пайка. Он и со жмыхом — в радость. Хлеб — не только еда, но и ускользающий символ домашнего уюта, достатка, мирной жизни. С 1 октября норма выдачи хлебного пайка снизилась до двухсот граммов (рабочим и инженерно-техническим работникам пока еще положено вдвое больше).

Летом была надежда на то, что моряки Ладожской военной флотилии и Северо-Западного речного пароходства благодаря водному пути через Ладожское озеро создадут в окруженном врагом городе, по меньшей мере, полуторамесячный запас продовольствия. Но на западном берегу Ладоги нет оснащенных пристаней и причалов, и морякам не хватает озерных судов, а речные пароходы и баржи не справляются с сильными штормами. Вражеские самолеты, как коршуны, реют над баржами и буксирами, бомбят портовые сооружения и перевалочные базы. Поэтому теперь — двести граммов.

У многих меняются не только лица, но и дыхание. Они дышат, как захлебывающиеся водой утопающие, теряющие надежду на спасение.

Леша услышал по радио (тому самому радио, по которому еще недавно передавали веселые радиоспектакли) невыносимо горестный голос женщины, которую пустили к микрофону, чтобы она рассказала о том, что случилось. Всего час назад на Стремянной улице погибли у нее сра-

зу и сын, и дочка. И ей нужно было обратиться к кому-то, пусть сразу ко всем ленинградцам, чтобы сказать о своем горе. И ее, не актрису, не работницу радио, не именитую гостью, пустили к микрофону, вняв отчаянию этой женщины. Это тоже недавно представлялось невозможным. И если писатель — тот, кто верит во что-то несбыточное, то в такое верить не хочется, нельзя просто верить во все, что происходит.

Леша встретил Петьку Емельянова — того самого одноклассника, который учил немецкий язык, уверенный что Ленинград вот-вот завоюют. Леша подумал: если немцы войдут в город, кем тогда станет Петька? Их расторопным подручным?

Вдруг раздался оглушительный грохот. Раскатистый залп. Еще один. Уши заложило от такой взрывчатой мощности... И тут Леша увидел, что Емельян улыбается.

— Чего улыбаешься? — грубо спросил он.

— Тебе-то что? Хочу и улыбаюсь.

Опять оглушительный грохот. Нервная улыбка раздвинула губы Петра. Он пытался сдержать, скрыть ее, но не получилось.

— Ты не понимаешь, что это за выстрелы? — зло усмехнулся Петька.

— Что?

— Это немецкие корабли подошли совсем близко к городу.

— Врешь!

— Не хочешь — не верь. Сам потом убедишься. Это дальнобойные орудия, я уже читал про такое.

— Так они же по нашему городу стреляют!

— Зато война скоро закончится. Тебе не надоело, что она все время идет?

На следующий день Леша вновь случайно увидел Емельянова, и это была уже совсем другая встреча. Петька лежал под грудой обломков, в крови, с обезображенным лицом, и громко, беспомощно стонал. Он был похож на рыбу, выброшенную на берег. Далекая, неведомая смерть Риммы, которую Леша не видел, была для него потрясением. А сейчас умирающий на его глазах одноклассник не вызывал ни слез, ни дрожи. Глаза Петра остекленели, он как будто замер навеки, застыл, как восковая фигура.

— Не спасли тебя твои фашисты, — прошептал Леша, обращаясь уже к мертвому однокласснику.

Леша думал о том, наступит ли когда-нибудь день, когда вместо вражеских самолетов вновь будут кружить птицы, а небо перестанет дрожать от грохота орудий, как потревоженная водная гладь, превращающая изысканный рисунок с луной и звездами в смутные блики.

Окончание следует...